

ИССЛЕДОВАНИЯ

Юбилеи Ч. Дарвина в социально-культурных и когнитивных контекстах¹

Э.И. Колчинский

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; ekolchinsky@yandex.ru

Проанализированы социально-культурные и научные контексты юбилеев Ч. Дарвина в 1909, 1932, 1959, 1984 гг. Показано, как дарвиновские юбилеи использовались для пропаганды самого дарвинизма и продвижения разного рода политических и философских идеологий, а также эволюция отношений к дарвинизму со стороны ряда христианских конфессий. Особое внимание уделено взаимоотношению теории эволюции и креационизма, а также достижениям последних двух десятилетий в области молекулярной биологии, палеонтологии и антропологии, позиции Ватикана, англиканской церкви и некоторых других конфессий в юбилеях 2009 г. Дается краткая характеристика социально-культурному и когнитивному контексту проведения юбилейных мероприятий на Западе и в России.

Ключевые слова: Чарльз Дарвин, эволюционные концепции, наука, креационизм, идеология, религия, политика.

Еще при жизни Ч. Дарвин был самым знаменитым и самым критикуемым ученым в мире. Сегодня он стал подлинным символом современной науки, оставаясь одновременно главным объектом ненависти ее противников. Но даже они не отрицают, что труды Дарвина занимают особое место в интеллектуальной истории человечества. Его произведения сокрушили концепцию постоянства видов и коренным образом изменили наши представления о мире. Они представили человека как неотъемлемую часть биосферы и результат длительной эволюции под воздействием естественного отбора. Каждый юбилей Чарльза Дарвина становился поводом для подведения итогов развития эволюционной мысли и переосмысления мировоззренческого и общекультурного значения его

¹ Работа написана при поддержке РГНФ проект № 09-03-00166а.

трудов, отражая не только уровень знаний об эволюции, но и социально-политическую и идеологическую обстановку в той или иной стране. Представляется интересным проследить, как социально-культурный контекст и положение в эволюционной биологии влияли на проведение дарвиновских юбилеев в разные годы и в разных странах. В качестве отправной точки взято восприятие дарвинизма в разных странах и кругах общества, сложившееся на день кончины Дарвина.

Восприятие теории естественного отбора при жизни Ч. Дарвина

Немногие научные теории распространялись так же быстро, как теория естественного отбора, сразу же названная дарвинизмом². Книга Ч. Дарвина «Происхождение видов» была распродана в день выхода в свет 24 ноября 1859 г. Затем в течение десяти лет увидели свет около 10 различных изданий в Англии и США, а также 15 переводов в Германии, Голландии, Франции, Дании, Италии, России и Швеции (The Reception of Charles Darwin..., 2009, p. XXIX–XXXV). Во многих случаях они сопровождалась обширными комментариями, дополнениями и критикой. Благодаря этому люди во многих странах практически сразу получили возможность читать дарвиновский труд на родном языке и включиться в первую подлинно международную научную дискуссию (Browne, 2001, p. 496). Идеи Дарвина волновали не только естествоиспытателей, но и широкие образованные круги, которые прислушивались к научным дебатам и воспринимали их в соответствии с собственным пониманием. Формируя представление о дарвинизме из популярных изданий, художественной, философской и религиозной литературы (порой даже из музыкальных произведений и изобразительного искусства), а также политических доктрин, люди эмоционально реагировали на сугубо научные идеи, об истинности или ложности которых они не могли сказать ничего вразумительного в силу своей некомпетентности. Ситуацию усложняла реакция самого биологического сообщества, многие авторитетные члены которого не согласились с теорией естественного отбора, подрывавшей традиционные для биологии парадигмы. Ее противниками выступали крупные палеонтологи (Ж.Л. Агассис, Р. Оуэн) и биологи (Р. Вирхов, П. Флуранс и др.),

Было немало и биологов, которые, защищая идею эволюции, считали себя дарвинистами, хотя не приняли положение о ведущей роли отбора в эволюции, — среди них Т. Гексли в Англии, Э. Геккель в Германии, К.А. Тимирязев в России, А. Грей в США. В спорах с антиэволюционистами они сначала не касались вопроса о причинах эволюции, сосредоточившись на доказательствах ее реальности. Креационизм быстро потерял свои позиции в биологии. Сравнительно быстрый отказ от креационизма как от научной концепции называют обычно «дарвиновской революцией» (Ghiselin, 1969; Mayr, 1991).

Однако отсутствие знаний о законах наследственности, о соотношении исторического и индивидуального развития организмов, о генетической и экологической структуре видов и особенно — экспериментальных доказательств естественного отбора по-

² Так предложил называть эту теорию Т. Гексли в рецензии на книгу «Происхождение видов» в апрельском номере «Westminster Review» за 1860 г. С ним позднее согласился и соавтор гипотезы естественного отбора А. Уоллес, который свои собственные взгляды при этом предпочитал называть уоллесизмом (wallaceism). Еще раньше термины «Darwinism», «Darwinian», «Darwinize» использовали для «жизнеописательной» поэзии Эразма Дарвина и его натурфилософских спекуляций. Далее под дарвинизмом будет пониматься центральный пункт всех построений Дарвина — концепция естественного отбора как главной причины эволюции.

служило основой для роста критического отношения к дарвинизму. В палеонтологии, морфологии и эмбриологии, по определению П. Боулера (Bowler, 1988), по сути дела шла «недарвиновская революция» — противоречивый процесс согласования идеи эволюции с парадигмами, корнящимися в естественной теологии. Ряд ученых и религиозных мыслителей, вводя идею эволюции в теологическое или телеологическое мировоззрение, считали, что Дарвин неверно указал причины эволюции, и выдвигали собственные концепции.

Отличия в отношении к дарвинизму обуславливались и национальными традициями³. Если во Франции вплоть до 1970-х гг. доминировал неоламаркизм, то в Германии и России дарвинизм занял прочное место в культурной и общественно-политической жизни (Чайковский, 1983, 1989; Vucinich, 1988; Todes, 1989). Быстрое включение дарвинизма в культурную традицию России и Германии было обусловлено отсутствием в этих странах резкого противостояния между трансформистами и креационистами, а также склонностью многих биологов осмысливать процессы в крупных пространственно-временных масштабах и их приверженностью натурфилософии. Восприятию дарвинизма в этих странах способствовала и популярность естественных наук, вера в них как в основу рационального преобразования общества. Подлинным властителем дум многих поколений немецкой и российской интеллигенции стал Э. Геккель с его философией монизма и склонностью к глобальным спекуляциям (Gregorio, 2005). Начиная с русских радикалов 1860-х гг. (Д.И. Писарев, М.А. Антонович, В.А. Зайцев, Н.Д. Ножкин) и основателей марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс), дарвинизм и в Германии, и в России рассматривали как краеугольный камень революционной идеологии⁴. Сопоставление основных постулатов марксизма и дарвинизма стало излюбленным занятием лидеров социал-демократии в обеих странах (А. Бебель, П. Лафарг, В. Либкнехт, К. Каутский, Г.В. Плеханов) (Kolchinsky, 2009, p. 525–526).

Существовали и различия в восприятии дарвинизма. Главное, что усвоили немецкие биологи в учении Дарвина — это борьба за существование, которую трактовали буквально, как грубое, физическое столкновение с подавлением или уничтожением конкурента. Большинство же российских эволюционистов (например, А.Н. Бекетов или К.А. Тимирязев) считали борьбу за существование неудачной метафорой, подчеркивая ведущее значение кооперации во внутривидовых отношениях. Эволюционная доктрина была адаптирована к национальной интеллектуальной традиции и трансформирована в ходе выдвижения собственных концепций. Уже при жизни Дарвина были предложены телеологическая концепция К.Э. фон Бэра, концепция взаимопомощи как фактора эволюции К.Ф. Кесслера и П.А. Кропоткина, а позднее теория гетерогенеза С.И. Коржин-

³ Сравнительный анализ восприятия теории естественного отбора в разных странах был начат в классическом труде под редакцией Т. Глика, переизданном в 1988 г. с новым предисловием (The Comparative..., 1988). В дальнейшем эта проблема обсуждалась в книге А. Эллегарда «Читатель. Восприятие дарвиновской теории эволюции в британской прессе» (Ellegard, 1990). Долгое время образцовыми в этом вопросе считали также книги «Дарвиновское наследство» (The Darwinian..., 1985) и «Распространение дарвинизма: Роль места, расы, религии и пола» (Disseminating..., 1999), «Корреспонденция Чарльз Дарвина» (The Correspondence..., 1983–1999) и «Восприятие эволюционной теории в XIX веке» (Die Rezeption Evolutionstheorie..., 1995). В 2009 г. под редакцией Е.-М. Энгельс и Т.В. Глика вышел в свет фундаментальный двухтомный труд «Восприятие Дарвина в Европе» — результат десятилетней работы большого коллектива ученых разных стран (The Reception of Charles Darwin..., 2009). См. также: «Обзор юбилейных публикаций дарвиновской тематики» в этом номере.

⁴ При жизни Ч. Дарвина в России вышло три издания «Происхождения видов».

ского, гипотеза симбиогенеза А.С. Фаминцына и К.С. Мережковского и др. (Завадский, 1973; Хахина, 1973)⁵.

Быстро началась дифференциация взглядов внутри самого дарвинизма. В середине 1870-х гг. возникло эклектическое сочетание дарвинизма с ламаркизмом (геккелевский дарвинизм или ламаркодарианизм), сторонники которого считали наследование приобретаемых признаков более важным фактором эволюции, чем отбор. Как реакция на него в 1880-е гг. возник неодарвинизм, у истоков которого стоял А. Вейсман, объяснявший все признаки организмов действием отбора. Появились и недарвиновские концепции эволюции (неоламаркизм, телеогенез, неокатастрофизм-сальтационизм), авторы которых или отвергали реальность естественного отбора, или отводили ему функцию элиминации нежизнеспособных особей и видов.

Неоднозначным было отношение различных конфессий и к дарвинизму, и к самому Ч. Дарвину, прошедшему в духовном развитии путь от приверженности естественной теологии к агностицизму (Darwin, 1958). В отличие от некоторых своих последователей он никогда не выступал с критикой церкви, идентифицируя себя публично скорее как деиста, чем атеиста (Дарвин, 2001, с. 418). На просьбы высказаться ясно об отношении к религии Дарвин отвечал отказом, считая свои взгляды в этом вопросе сугубо личным делом и отговариваясь некомпетентностью, занятостью, болезнью и даже нежеланием причинить боль близким⁶. Более откровенным он бывал в письмах со своими коллегами Т. Гексли, А. Греем, Дж. Гукером, Л. Дженнисом, Ч. Лайелем, Дж. Фордайсом, Дж. Макинтошем, но и здесь соблюдал большую осторожность (The Correspondence..., 1983–1999). Внешне он всегда был приверженцем англиканской церкви, окончил теологический факультет Крайстс-колледжа в Кембридже⁷, готовился к духовной карьере. До конца дней исполнял обязанности церковного старосты при местной церкви Св. Марии вблизи Дауна. Каждое воскресенье вся семья посещала эту церковь. На ее погосте похоронены дети Ч. Дарвина — Мари, Элизабет, Чарльз, его брат Эразм, жена Эмма и ее сестра.

Тем не менее Дарвин впервые столкнулся с резким неприятием своих взглядов именно со стороны англиканской церкви. Через несколько месяцев после выхода в свет «Происхождения видов» в Оксфорде произошел диспут между архиепископом С. Уилберфорсом и Т. Гексли, после которого оба участника сочли себя победителями. И до конца жизни Дарвина приверженцы англиканской церкви клеймили его «аморальную» теорию, как подрывавшую основы религии, и пытались найти естественнонаучные аргументы против нее.

В религиозных кругах США дарвинизм получил диаметрально противоположные оценки. Ортодоксальный христианин, ботаник А. Грей уже в 1860 г. заявил, что

⁵ Россию часто называли «второй Родиной дарвинизма». Как всякое клише, эта характеристика лишь частично отражает истину. Учитывая диапазон критических выступлений в российском научном сообществе против учения о естественном отборе с позиций клерикализма, телеогенеза, механоламаркизма и сальтационизма от К.Э. фон Бэра до Т.Д. Лысенко, Россию с не меньшим основанием можно именовать «первой Родиной антидарвинизма» (см. подробнее: Колчинский, 2007, с. 174–184).

⁶ Об отношении Дарвина к религии вообще и к англиканской церкви в частности есть много книг, статей и десятки сайтов в Интернете. В русскоязычной литературе недавно этот вопрос исследовала Т. Волобуева в статье «Религиозные взгляды Ч. Дарвина», размещенной на Православном образовательном портале «Слово» 11 ноября 2008 г. // <http://www.portal-slovo.ru/impressionism/39454.php>.

⁷ На его воротах установлен барельеф Дарвина.

благодаря Дарвину стало известно, как Бог осуществлял творение видов (Gray, 1963, p. 130). Напротив, знаменитый палеонтолог Ж.Л. Агассис был не согласен с удалением Бога из процесса смен в геологическом прошлом целых флор и фаун (Agassiz, 1860). Профессор теологии Принстонского университета Ч. Ходже, принимавший сам факт эволюции, безапелляционно заявлял по поводу дарвинизма: «Это атеизм» (Hodge..., 1874, p. 174).

В России дарвинизм первоначально не встретил серьезной оппозиции со стороны православной церкви, которая со времен Петра I обычно не вмешивалась в дискуссии ученых. Богословский догматизм, представленный в статьях и брошюрах профессора Санкт-Петербургской духовной академии математика и богослова Е.И. Ловягина (1861) или профессора Московского университета историка Средневековья и богослова А.П. Лебедева (1878), изолировал православную печать от эволюционных дискуссий, в то время как западноевропейские клерикалы активно в них участвовали, и среди западных эволюционистов всегда было немало глубоко верующих католиков и протестантов. По мере роста популярности дарвинизма служители религиозного культа и цензуры в царской России старались не допустить распространения идей Дарвина в народных массах, опасаясь, что они подорвут устои государства и догматы церкви (Харахоркин, 1960). Священники и богословы выступали против дарвинизма в своих проповедях, называли эту теорию «богохульной», «безнравственной» и политически опасной (Грекулов, 1964)⁸. Однако при жизни Дарвина запрету и сожжению были подвергнуты лишь труды Э. Геккеля «Естественная история миротворения» (1873) и «История племенного развития организмов» (1879), в которых духовные цензоры справедливо увидели глумление над библейскими сказаниями о происхождении мира и человека и безудержные натурфилософские спекуляции. Позднее религиозный философ В.С. Соловьев в книге «Оправдание добра» (1894) предпринял первую попытку соединить научно-эволюционные и христианские представления о космической эволюции.

Идея о животном происхождении человека оттолкнула от дарвинизма многих его первоначальных сторонников по религиозным и моральным соображениям (В.А. Попов, Н.Н. Страхов. И.Ф. Цион и др.). Отныне его нередко критиковали с позиций клерикализма и выступали против Дарвина как проповедника атеизма и материализма (Кудрявцев, 1883). В этой критике участвовали и многие выдающиеся российские биологи, отвергавшие дарвинизм с точки зрения телеогенеза, механоламаркизма или сальтационизма (Ф.Ф. Брандт, А.П. Богданов, Н.П. Вагнер, П.Ф. Лесгафт и др.).

Таким образом, хотя к 25-летию со дня выхода в свет «Происхождения видов» креационизм практически был вытеснен из биологии, в других сферах науки и культуры в эволюционизме еще долго усматривали угрозу морали, этике и самому обществу. Для многих дарвинизм приобрел негативную окраску в связи со стремлением некоторых мыслителей использовать законы биологической эволюции для усовершенствования общества, за что ратовали инициаторы социал-дарвинизма Г. Спенсер, Э. Геккель, А. Шеффле, Л. Вильзер, П. Лилиенфельд, а также родоначальники евгеники и расовой гигиены Ф. Гальтон, А. Плётц, В. Шальмайер.

По мере укрепления позиций дарвинизма в биологии практически все политические силы стали использовать его для научного обоснования своих программ. Каждый находил в нем то, что ему было надо. Где Г. Спенсер усматривал борьбу за существование, П.А. Кропоткин видел кооперацию и взаимопомощь. Либералы А. Карнеги и Дж.Д. Рокфеллер в дарвинизме находили оправдание общества, построенного на эконо-

⁸ См. публикацию К.В. Манойленко «За и против» в этом номере журнала.

Рис. 1. Могила Ч. Дарвина в Вестминстерском аббатстве. Фото автора статьи

мической конкуренции, а К. Маркс уверял, что это естественноисторическая основа его воззрений. Э. Геккель и В. Бёльше рассматривали дарвинизм как освобождение от религии, А. Грей — как прославление мудрости Бога. Ряд ученых и религиозных мыслителей, отказавшись от концепции неизменности видов, пытались объединить идею эволюции с представлениями о Боге как ее первоначальной причине и цели (А. Виганд, Ч. Лайель). Многие считали, что Дарвин лишь доказал факт эволюции, но неверно указал ее законы, и воспринимали его в качестве Коперника, а не Ньютона биологии.

Тем не менее никто не сомневался в огромном значении его теории эволюции для человечества. Вопреки первоначальным планам семьи Ч. Дарвина, собиравшейся похоронить его в Дауне, по инициативе Лондонского Королевского общества, поддержанной премьер-министром Великобритании В. Гландстоном и депутатами Палаты общин, было принято решение о погребении Дарвина в Вестминстерском аббатстве рядом с могилами других выдающихся ученых Англии (астрономами В., Дж. и Й. Гершелями, физиками И. Ньютоном, М. Фарадеем и Дж. Максвеллом)⁹. На похоронах присутствовали представители многих университетов и научных обществ, крупные общественные деятели, дипломатические представители России, Франции, Италии, Германии и Испании. Как справедливо отметила Дж. Браун (Browne, 2008), само погребение Ч. Дарвина 26 апреля 1882 г. в Вестминстерском аббатстве было попыткой убедить общество в том, что наука, одним из главных символов которой в то время уже стал Ч. Дарвин, не только не является угрозой для моральных ценностей общества, но, напротив, чрезвычайно важна для его стабильности. Таким образом, перед первым юбилеем — 25-летием со дня публикации «Происхождения видов» — Дарвина ввели в круг самых выдающихся людей Великобритании. С 1890 г. Лондонское Королевское общество каждые два года присуждает медаль ученым разных стран за выдающийся вклад в развитие областей знаний, в которых работал Дарвин.

⁹ В Лондоне любят вспоминать, как в день похорон Ч. Дарвина говорили, что «это место стало самым великолепным собранием интеллекта, которое когда-либо было в Англии».

Кризис дарвинизма. Первое празднование юбилея Ч. Дарвина и его теории

Переоткрытие в 1900 г. законов Г. Менделя, установившего дискретный характер наследственной изменчивости, объективно устранило одно из важнейших возражений против теории естественного отбора о «заблачивающем» эффекте скрещивания. Однако свои эксперименты первые генетики противопоставляли эволюционным спекуляциям, постулируя неизменность генов и их независимость от внешних факторов. К тому же опыты В. Иоганнсена показали бессилие отбора в чистых линиях. Возник ряд новых недарвиновских концепций эволюции, базировавшихся на данных генетики: мутационизм (Г. де Фриз), гибридогенез (У. Бэтсон, Я. Лотси) и преадапционизм (Л. Кено). Большой популярностью по-прежнему пользовался механоламаркизм, сторонники которого старались экспериментально доказать наследование приобретенных свойств, воздействуя различными агентами на онтогенез.

В итоге 100-летие со дня рождения Ч. Дарвина и 50-летие выхода в свет «Происхождения видов» проходило в обстановке тотальной критики теории естественного отбора. Тем не менее во многих странах состоялись юбилейные мероприятия, призванные показать широту воздействия эволюционной идеи на все сферы человеческого духа. Они стартовали 1 июля 1908 г. на торжественном заседании Лондонского Линнеевского общества, учредившего медаль Дарвина-Уоллеса в честь памятного заседания 17 июня 1858 г., на котором были зачитаны доклады Ч. Дарвина и А. Уоллеса. В адрес собравшихся поступили десятки поздравлений от английских и зарубежных научных обществ. Единственную золотую медаль получил сам А. Уоллес. Остальные награды поровну разделили ученые Англии (Дж. Гукер, Фр. Гальтон, Р. Ланкастер) и Германии (Э. Геккель, А. Вейсман, Э. Страсбургер)¹⁰. Затем в честь лауреатов и иностранных гостей был дан банкет. В тот же день была открыта выставка и заслушаны короткие доклады об эволюции. В течение восьми месяцев в Британском музее естественной истории действовала большая выставка, посвященная Дарвину и вызвавшая огромный интерес публики.

22–24 июня 1909 г. 235 ученых из 167-и разных стран и 68-и британских учреждений, а также более 150-и высокопоставленных лиц собрались в Кембридже для участия в юбилейных мероприятиях (Richmond, 2006, p. 447; Wyhe, 2009, p. 58–59)¹¹. Никогда ранее юбилеи ученых не отмечали как события мирового значения. Празднование началось вечером 22 июня с банкета в Фитцвиллиамском музее, данного в честь делегатов и гостей Нобелевским лауреатом, ректором университета лордом О. Рэлеем от имени короля Англии Эдуарда VII¹². На следующий день в Доме Сената университета состоялось слушание приветствий и докладов. В кратком вступительном слове Рэлей вспомнил о потрясении, которое пережили научный мир и английское общество в ноябре 1859 г., в связи с выходом в свет книги Дарвина. Затем с приветствиями

¹⁰ В дальнейшем медаль Ч. Дарвина вручали в 1958 и 2008 гг.

¹¹ От России в праздновании юбилея в Кембридже участвовали представители Императорской Академии наук (И.П. Бородин и В.В. Заленский), университетов: Н.И. Кузнецов (Юрьевский университет), Ф. Элфвинг (Гельсингфорский Александровский университет), К.А. Тимирязев (Московский университет и Московское общество испытателей природы), а также И.И. Мечников, которому в 1908 г. была присуждена Нобелевская премия. Многие из них впоследствии поделились в печати своими впечатлениями об этих торжествах. Я благодарю К.В. Манойленко, сообщившую мне о хранящихся в фонде И.П. Бородина обширных материалах, связанных с юбилеем Ч. Дарвина в 1909 г. (ПФА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 62).

¹² Order of the Proceedings at the Darwin Celebration // <http://darwin-online.org>.

выступили делегаты: от Германии О. Гертвиг, от Франции и России И.И. Мечников, от США Г.Ф. Осборн и от Великобритании Э.Р. Ланкастер. Все говорили об огромном воздействии трудов Дарвина на их отрасли знания, а Ланкастер заявил, что основные принципы теории Дарвина согласуются с открытием Менделя. После докладов был прием в саду Крайстс-колледжа, а вечером в новом Экзаменационном холле состоялся банкет в честь делегаций, на котором выступил также старший сын автора теории естественного отбора — Вильям Дарвин.

24 июня вручались почетные награды в Доме Сената. Речь под названием «Дарвин как геолог» произнес президент Лондонского Королевского общества А. Гейки. Во второй половине дня дети Ч. Дарвина устроили прием в парке Тринити-колледжа. 23 и 24 июня гости могли посетить комнату Дарвина в Крайстс-колледже. В его старой библиотеке была открыта выставка портретов, бюстов, записных книжек, писем и рукописей ученого, а также инструментов и приборов, использованных им во время путешествия на корабле «Бигль» (Darwin centeragy..., 1909). Для визитеров были доступны библиотека Дарвина, хранящаяся в Ботанической школе, и коллекция минералов в Геологическом музее имени А. Седжвика. Юбилейные торжества широко освещали в мировой прессе, и они вошли в историю науки как одно из наиболее грандиозных событий подобного рода.

В юбилейный сборник «Дарвин и современная наука» (Darwin and modern..., 1909), подготовленный под редакцией А. Сьюарда, вошло 28 статей и письмо Дж. Гукера. Среди авторов были патриархи дарвинизма Э. Геккель и А. Вейсман, ведущие генетики и цитологи В. Бэтсон, Э. Страсбургер, экспериментальные биологи Ж. Лёб и Г. Клебс, палеонтологи В. и Д. Скотт, антрополог Г. Швальбе и др. Часть статей была посвящена влиянию идей Дарвина на различные отрасли биологии и геологию, а также философию, физику, историю, социологию, религию, языковедение. Только А. Вейсман, Э. Геккель, Дж. Джэд, Ф. Дарвин, Л. Морган, А. Седжвик, Дж. Томсон обсуждали работы самого Дарвина и их влияние на биологию, остальные доклады были посвящены гуманитарным наукам или затрагивали вопросы, которыми сам Дарвин не занимался.

В США для празднования юбилея Дарвина был создан комитет, в который вошли крупнейшие биологи-эволюционисты и палеонтологи Г. Бемпес, Ч. Девенпорт, Г. Крэмpton, Т. Морган, Г. Осборн, В. Скотт и др. (Hovey, 1909). 12 февраля 1909 г. состоялось торжественное заседание в Американском музее естественной истории, где президент Нью-Йоркской академии наук Ч. Финней подарил директору музея Г. Осборну бронзовый бюст Ч. Дарвина. Были заслушаны доклады Дж. Стивенсона «Дарвин и геология», Н. Бриттона «Дарвин и ботаника» и Г. Бемпеса «Дарвин и зоология». С 15 февраля по 14 марта в залах Музея была открыта выставка, посвященная Дарвину. Из юбилейных публикаций американских авторов особое значение для дальнейшего развития биологии имели книга В. Келлога «Дарвинизм сегодня» [1907], а также статьи Т. Моргана «За Дарвина» [1909] и «Случайность или намеренность в происхождении и эволюции адаптаций» [1910].

В феврале 1909 г. во многих университетах, институтах и научных обществах России состоялись научные заседания, посвященные Ч. Дарвину. Главное научное учреждение страны Императорская Академия наук приняла активное участие в праздновании этого юбилея¹³. Его примеру последовали и многие университеты и научные общества, командировавшие в Кембридж своих представителей или приславшие поздравления. В отличие от них Университет Св. Владимира в Киеве отказался участвовать в юбилейных

¹³ См. в этом номере публикацию А.В. Самокиш «Чарльз Дарвин и Императорская Академия наук. Документальные свидетельства».

мероприятиях по ряду соображений религиозного, научного, социально-политического, идеологического и нравственного порядка¹⁴.

К юбилею Дарвина вышли 2 собрания сочинений его трудов. Издательство Ю. Лепковского выпустило первое и единственное восьмитомное издание «Иллюстрированное собрание сочинений Ч. Дарвина» (1907–1909), снабженное прекрасными портретами ученого, а также некоторыми фотографиями мест, где он учился, жил и работал в Кембридже, Дауне, Лондоне и др. В подготовке и переводе отдельных томов участвовали мэтры российской биологии И.М. Сеченов, П.П. Сушкин, К.А. Тимирязев и др. В 1909 г. под редакцией В.В. Биттнера в качестве бесплатного приложения к «Вестнику знания» под общим названием «Собрание сочинений Чарльза Дарвина» отдельными выпусками также начали выходить иллюстрированные тома трудов Дарвина в переводе А.А. Николаева (6-ой том переведен Э.А. Серебряковым, 4, 5 и 6 тома вышли как приложение к «Неделе вестника знания»). Всего увидело свет 14 выпусков, причем первые 3 тома вышли в серии «Библиотека систематического знания». Был опубликован сборник «Памяти Дарвина» (Памяти..., 1910), в котором участвовали И.И. Мечников, К.А. Тимирязев, М.А. Мензбир, И.П. Павлов, Н.А. Умов и М.М. Ковалевский. К юбилею оказались приурочены исследования Н.В. Цингера о видообразовании с помощью естественного отбора, книга И.И. Мечникова «Этюды оптимизма», первый вариант теории филэмбриогенеза А.Н. Северцова, а также публикации зоологов А.А. Остроумова и А.М. Никольского, ботаника В.И. Талиева и др.

Приведенный материал не подтверждает мнения Дж. Браун, что юбилейные торжества 1909 г. были организованы небольшой группой натуралистов и членов семьи Дарвина, чтобы напомнить о теории естественного отбора и показать ее преимущества перед другими эволюционными концепциями (Browne, 2008, p. 324). Вряд ли небольшой группе ученых удалось бы навязать свою волю научному сообществу таких разных стран, как Великобритания, США, Германия и Россия, и заставить проводить столь грандиозные юбилейные мероприятия. Ближе к истине М. Ричмонд, которая полагает, что ученые собрались не только для того, чтобы воздать должное одному из своих «героев», но еще раз оценить прочность его конструкции в критической ситуации (Richmond, 2006). Юбилей показал, что даже в момент пика кризиса дарвинизма было немало биологов разных поколений, выступавших в его защиту и правильно оценивавших его соотношение с менделизмом, мутационной теорией Г. де Фриза и открытием мейоза В. Сэттоном и Т. Бовери. Никто, однако, не знал, что уже в ближайшие месяцы Т. Морган откроет мутацию «white» у дрозофилы, ставшую исходным пунктом в разработке хромосомной теории наследственности — важнейшего элемента синтеза генетики и дарвинизма. Юбилей, бесспорно, дал дополнительный стимул к поиску выхода из кризиса дарвинизма путем объединения теории естественного отбора с новейшими открытиями в генетике.

Важно подчеркнуть уважительный характер всех участников юбилейных мероприятий, независимо от их эволюционных взглядов, и к самому Дарвину, и к его учению. Ученые разных стран и разных поколений продолжали осознавать себя членами единого мирового сообщества; научные дискуссии не мешали сохранять дружеские отношения и не побуждали искать ни в науке вообще, ни в дарвинизме в частности виновника социально-экономических и политических катаклизмов. Это станет модным только после Первой мировой войны и революционных потрясений, приведших к краху три империи: Россию, Германию и Австро-Венгрию. Дух торжества отражал уважение общества к науке в предвоенной Европе.

¹⁴ См. в этом номере публикацию К.В. Манойленко «За и против: отношение к чествованию памяти Чарльза Дарвина в 1909 г.».

Мировой кризис, эволюционная теория и дарвиновский юбилей в начале 1930-х гг. в СССР и нацистской Германии

В первые 15 послевоенных лет интеллигенция постоянно говорила о кризисе мировоззрения, морали, религии, искусства, экономики, политики. Выразителем этих настроений стал философ и историк культуры О. Шпенглер, предрекавший в книге «Закат Европы» близкую гибель европейской цивилизации. Кризис в обществе и культуре оказался глубоко связан с кризисом познания (Ringer, 1969). Социально-культурная и политическая среда прямо, иногда в самых грубых формах, воздействовала на науку во всех ее аспектах. Ученые чувствовали себя затерявшимися в море социально-политической демагогии, оккультизма, мистицизма и теософии (Forman, 1971; Harwood, 1996). В образованных слоях доминировала атмосфера квазирелигиозных обращений из одной веры в другую, будь эта вера философской или политико-идеологической. Под сомнение были поставлены принципы и ценности науки: рационализм, материализм, причинность и закономерность. В условиях доминирования культурного пессимизма ученых обвиняли в позитивизме, эмпиризме, механицизме, скептицизме, догматизме, технократизме, в отрыве от повседневной жизни и так далее.

Агрессивная общественная среда неизбежно влияла на мировоззренческие и морально-ценностные основы научного сообщества, поколебленные еще во время войны (Наука, техника и общество..., 2007). Ученые разных стран включились в политическую борьбу и идеолого-философские дискуссии. Все сильнее распространялось неприятие ценностей буржуазной цивилизации, ввергнувшей мир в ужасную войну. Среди научной элиты произошел раскол на тех, кто поддерживал модернизацию, и тех, кто связывал ее с социальной деградацией. Этот раскол сказывался и в естественнонаучных дисциплинах (Harwood, 1993, p. XV). Сугубо научные дискуссии между ламаркистами и дарвинистами принимали политический характер, становясь способом выявления политического вероисповедания и лояльности (Evolution von Darwin..., 1999). Например, в Веймарской республике, как и в СССР, неоламаркизм считали политически левым и, соответственно, еврейским учением, в то время как его противников причисляли к правому политическому лагерю. Этот политический вопрос приобретал все большую остроту и достиг кульминации после самоубийства в 1926 г. П. Каммерера.

Еще до Первой мировой войны движение за биологическое усовершенствование человека путем позитивной и негативной селекции в Германии приобрело радикальный характер. Основатели расовой гигиены В. Шальмайер, А. Плётц, Л. Вольтман ратовали за жесткий и государственный контроль над генетическим составом популяций человека (Becker, 1988). После войны эти установки стали более экстремистскими, превращаясь в откровенный национализм и антисемитизм. После войны лидеры Немецкого общества расовой гигиены М. фон Груббер, Э. Крэпелин, А. Плётц и др. установили контакты с правыми радикальными течениями, ставшими предтечами национал-социалистической партии. В своем программном сочинении «Моя борьба» Гитлер широко использовал двухтомный труд Э. Баура, О. Фишера и Ф. Ленца «Очерки по учению о наследственности человека и расовой гигиене» (Baur, Fischer, Lenz, 1921), выдержавший 5 изданий и переведенный на шведский и английский языки. Второй том этой книги «Отбор у человека и расовая гигиена» был написан Ф. Ленцем, которого национал-социалисты позднее называли «дедушкой расовой гигиены». В условиях послевоенного времени эта книга вызвала восторженные отклики большинства мирового научного сообщества и резкие возражения меньшинства (Fangerau, 2001). Сочинения расовых гигиенистов (Э. Рюдин, Ф. фон Ленц и др.) противоречили доминировавшим нравственным ценностям. Они ра-

товали за изменение этики, чтобы привести ее нормы и ценности якобы в соответствие с современной генетикой и эволюционной теорией.

Биологи-технократы предлагали выработать новые ориентиры в области демографии и здравоохранения с целью биологического оздоровления общества. Нужно было решить, какие наследственные признаки человека общественно хорошие, а какие плохие. Подобные оценки зависели от многих социальных факторов, в том числе и от правительственной политики. Из идеи регуляции народонаселения с помощью науки вызревала идеология будущего Третьего Рейха, в рамках которого стало возможным вести политику массового уничтожения, опираясь на рекомендации экспертов-биологов и медиков. Национал-социалисты обещали обеспечить биологическое оздоровление Германии, их политическая программа включала многие элементы расово-гигиенической технологии, что делало ее привлекательной в глазах части академического истеблишмента. В Веймарской республике, сотрясаемой последствиями проигранной войны и Ноябрьской революции, гиперинфляцией, спадом производства, безработицей, происходящими на фоне «дегенерации общества», биологи, руководствуясь якобы данными науки, обосновывали превосходство арийской расы. Веймарская евгеника и расовая гигиена завершились предложением закона о стерилизации людей с физическими или умственными недостатками, ставшего прообразом расовых законов Третьего Рейха.

В условиях восхваления арийской науки главной фигурой для празднования 75-летия выхода в свет «Происхождения видов» в Третьем Рейхе был выбран не Ч. Дарвин, а Э. Геккель. В 1934 г. торжественно отмечали его 100-летний юбилей, прославляя его как пророка национал-социализма (Gasman, 1998). Позднее, в 1942 г., в Йене члены Лиги сторонников монизма организовали Общество Эрнста Геккеля (Ernst-Haeckel-Gesellschaft), председателем которого стал крупный немецкий дарвинист В. Франц. Акция получила поддержку со стороны гауляйтера Тюрингии Ф. Заукеля и одного из главных идеологов национал-социализма А. Розенберга. Последний, ссылаясь на фюрера, утверждал, что подлинное научное мировоззрение можно сформировать только на основе национал-социалистических достижений и идеи отбора, которая вместе с мутациями является причиной возникновения человеческих рас.

В годы, предшествовавшие дарвиновскому юбилею 1934 г., евгеника как модное течение среди биологов и врачей, вышла за рамки естествознания и медицины, завоевывающая все больше и больше сторонников в политических кругах разных стран, хотя далеко не везде рискнули приступить к реализации ее рекомендаций. Британские традиции в области прав человека оказались несовместимы со стерилизацией людей, и все попытки провести подобные законы через Палату общин были провалены еще в 1927 г. Безуспешными оказались попытки внедрить евгенические мероприятия и в СССР, где Н.К. Кольцов, А.С. Серебровский, Ю.А. Филипченко, как и их зарубежные коллеги, были преисполнены оптимизма относительно возможностей евгеники и обещали путем стерилизации, искусственного оплодотворения и подбора пар ликвидировать болезни, улучшить породы людей, создать нового человека, ускорить социалистическое строительство и т. д. Евгеника в Советском Союзе была осуждена, евгенические учреждения, общества, печатные издания были закрыты.

Иначе сложилась ситуация в США, где горячим адвокатом евгеники стал основатель эволюционной лаборатории в Колд Спринг Харборе Ч. Девенпорт. Здесь в 1921 г. возникло Американское евгеническое общество, под влиянием которого в некоторых штатах приняли законы о принудительной стерилизации лиц, якобы наносящих ущерб генофонду населения США. В том же году в Нью-Йорке состоялся II Международный евгенический конгресс, президентом которого был знаменитый американский палеон-

толог и эволюционист Г.Ф. Осборн. В своей вступительной речи он заявил, что только евгеника, призванная избавить человечество от наследственно больных и асоциальных элементов, поможет реализовать основополагающий принцип демократии — равенство всех людей (Osborn, 1923). В Европе впервые закон о стерилизации был принят в кантоне Ваадт Швейцарии в 1928 г. В 1929 г. аналогичный закон приняла Дания, вскоре за ней последовали Норвегия, Швеция, Латвия, Эстония.

Авторы этих законов, как и лидеры многих праворадикальных движений, апеллировали к теории естественного отбора как главному фактору биологического прогресса. Поэтому многие стали видеть в дарвинизме угрозу традиционным моральным нормам и культурным ценностям. В ряде южных штатов США были приняты законы, запрещающие преподавать теорию Дарвина в школах. Нарушение этого закона в штате Теннесси учителем Д. Скоупсом привело к так называемому «Обезьянному процессу», привлекая внимание всего мира.

Все эти кризисные явления в послевоенные десятилетия, раскол между наукой и обществом, а также внутри самого научного сообщества на направления, идеологически и политически ангажированные, сказались на самой эволюционной теории, хотя наметились и пути для преодоления кризиса дарвинизма. Синтезу генетики и дарвинизма способствовало изучение мутагенеза, трансформировавшего мутационную теорию видообразования в теорию мутационного процесса. Существенный вклад в эту область внесли Т.Х. Морган, разработавший в 1915 г. хромосомную теорию наследственности, и его ученик Г.Дж. Мёллер, открывший в 1927 г. искусственный мутагенез, индуцированный рентгеновыми лучами. Популяционная генетика, созданная трудами С.С. Четверикова и его учеников, обозначила ядро будущего синтеза. Тем не менее появлялись все новые эволюционные гипотезы, призванные заменить дарвинизм. Их авторами были крупные биологи, ведущие специалисты в разных отраслях биологии и палеонтологии, ищущие иные пути синтеза своих наук с генетикой и идеей эволюции. Так возникла теория аристокенеза Г. Осборна (1918), закон биологической инерции О. Абея (1918, 1928), типогенез О. Шиндевольфа (1920, 1936), ологенез Д. Роза (1918), номогенез Л.С. Берга (1922), историческая биогенетика Д.Н. Соболева (1924) и так далее.

Центральное место в эволюционных дискуссиях занял вопрос о наследовании приобретенных признаков. Споры о нем шли в 1920–1930-х гг. во всех странах. Однако в СССР и в Германии они приобрели особое идейно-политическое и социальное звучание. Механоламаркизм стал главным эмпирическим и теоретическим источником для трудов Т.Д. Лысенко, начавшего в конце 1920-х гг. свою карьеру. В неприятии принципа наследования приобретенных признаков склонны были усматривать политические и классовые корни, ведущие к отрицанию возможности воспитать всесторонне развитого человека из представителей рабочего класса и крестьянства. Культивировался миф о И.В. Мичурине как «великом преобразователе природы», выведшем без отбора сотни высокоурожайных и устойчивых сортов фруктовых растений.

Именно в СССР, где дарвинизм был провозглашен краеугольным камнем марксистской философии, ему предстояло претерпеть гонения. С одной стороны, желая заменить религию наукой, партия заботилась о благоприятных условиях для эволюционных исследований и их популяризации. Для этого создавались специальные институты, кафедры, журналы. К началу 1940-х гг. дарвинизм был определен как обязательный предмет при высшем биологическом образовании. С другой стороны, большое внимание уделялось идеологическому значению дарвинизма. Поиск советского «союза» философии, политики и биологии шел в условиях продолжавшегося кризиса дарвинизма, выход из которого все чаще политически ангажированные биологи усматривали в переработке якобы «ме-

тафизического и идеалистического дарвинизма» на диалектико-материалистической основе (Колчинский, 1999). Учение Ч. Дарвина критиковали за плоский эволюционизм, за абсолютизацию случайности в эволюции, за идеализм в трактовке происхождения человека и скрытую телеологию. Провозглашая дарвинизм официальной идеологемой, философы и часть биологов критиковали западных дарвинистов и негативно относились к начавшемуся синтезу генетики и экологии с теорией естественного отбора.

В 1932 г. в период острого противостояния либерализма, национал-социализма и коммунизма в ряде стран проходили мероприятия, посвященные 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина¹⁵. Их организаторы старались в учении Дарвина найти обоснование своей политики (Колчинский, 2007). В СССР этот юбилей был превращен «в широкую политическую кампанию», призванную показать, что пролетариат — единственный наследник материалистических основ дарвинизма. Сотни лекций на эту тему были прочитаны на заводах. Для докладчиков были сформулированы лозунги и тезисы выступлений, например, «дарвинизм против „ученых“ поповских мракобесов» или «социал-фашиствующие герои обезьяньих процессов»¹⁶. В Московском и Ленинградском университетах, а также во многих музеях и дворцах культуры были развернуты грандиозные выставки, посвященные Дарвину в соответствующем идеологическом обрамлении. Прошла серия объединенных заседаний АН СССР, ВАСХНИЛ, Коммунистической академии, Общества биологов-марксистов, Союза воинствующих безбожников, на которых с докладами выступали философы и лидеры советской биологии.

Общий тон юбилейных мероприятий задавали статьи в главных партийно-правительственных газетах «Известия» (18 апреля) и «Правда» (19 апреля). Цель их — доказать, что советская наука находится на подъеме, а зарубежная переживает глубокий кризис. Посвятив две страницы дарвиновскому юбилею, редакция «Известий» снабдила их тремя лозунгами: «Мобилизуем миллионы на борьбу против „ученых“ мракобесов, использующих учение Дарвина для обоснования господства буржуазии, колониального гнета и империалистических войн»; «Используем все достижения буржуазной науки и техники, критически переработав их на основе марксистской теории»; «Вооружившись методом диалектического материализма, поставить эволюционную науку на службу социалистическому животноводству и растениеводству, на выполнение исторических решений XVII партийной конференции». В духе этих призывов было выдержано и большинство статей, опубликованных в номере: Б.А. Келлера, Г.А. Азимова, Б.М. Завадовского, С.Г. Левита и др. В доминирующих в них призывах использовать дарвинизм для усиления «борьбы против религии и поповщины» терялись попытки некоторых крупных биологов остаться в рамках приличия по отношению к мировой науке при анализе современного состояния учения Дарвина (В.Л. Комаров, Н.А. Максимов, А.Н. Северцов и Н.Г. Холодный)¹⁷.

Если в газете «Известия» все же нашлось место для статей научного характера, то «Правда» выдержала лейтмотив двух тезисов, набранных в качестве заголовков страницы, посвященной юбилею: «В странах умирающего капитализма и гниющей буржуазной культуры дарвинизм — на скамье подсудимых» и «Рабочий класс, вооруженный марксистско-ленинской теорией, берет все подлинно научное в дарвинизме для борьбы за построение социализма». Эти

¹⁵ По заведенной И.В. Сталиным традиции, как правило, отмечали не день рождения того или иного крупного ученого, писателя, художника, политического деятеля и т. д., а день его смерти.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–53.

¹⁷ Следует учитывать, что в это время в СССР существовала жесткая цензура всех научных публикаций. Многие статьи, подготовленные по случаю дарвиновского юбилея 1932 г., не увидели свет, как, например, статья В.Н. Любименко «Дарвинизм и фитофизиология»: ПФА. Ф. 294. Оп. 1. Д. 49.

лозунги развивались в статьях, авторы которых чаще всего были те же, что и в «Известиях». В статье В.С. Брандгендлера и П.И. Валескална «Учение Дарвина и классовая борьба» содержалась следующая оценка состояния дарвинизма за рубежом. «Современные „ученые“, поповские мракобесы, герои „обезьяньих процессов“, социал-фашисты, пытающиеся найти в дарвиновском учении биологическое „оправдание“ капитализму, организации погромов, расстрелов пролетариев, линчеванию — все эти сторожевые псы капитализма имеют единственную „теоретическую“ задачу — спасение идущего ко дну капитализма». Доказывая классовый характер эволюционных воззрений, авторы призывали к реконструкции дарвинизма на основе марксизма-ленинизма. В таком же духе была выдержана и статья П.П. Бондаренко и Б.П. Токина «Маркс, Энгельс и Ленин о Дарвине». Д. Заславский увидел в «обезьяньих процессах» в штате Теннесси общее отношение к дарвинизму в США. Красноречиво называлась и его статья «От человекоподобной обезьяны к обезьяноподобному человеку».

Во многих публикациях отчетливо звучали идеи противопоставления отечественной науки зарубежной. Глава Ассоциации естественных наук в Комакадемии Э.Я. Кольман в статье «О Карле Марксе и Чарльзе Дарвине», опубликованной в том же номере «Правды», выявлял «пороки» современного дарвинизма: «агностицизм»; «отказ от атеизма»; «стремление оправдать капитализм». Западных неodarвинистов обвиняли в разжигании расовой и национальной ненависти, в оправдании фашизма, в организации погромов и даже в гонке вооружений и в подготовке к войне.

Сталинский тезис об обострении классовой борьбы в СССР использовали для шельмования сторонников теории естественного отбора и генетики в СССР, как оторвавшихся «от задач социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата» (Бондаренко и др., 1932, с. 16). Их обвиняли в возрождении «средневековой мистики преформизма». Генетиков и неodarвинистов называли лагерем «буржуазной биологии». Для дальнейшего развития дарвинизма требовали преодолеть «обусловленные буржуазной ограниченностью и уровнем биологической науки недостатки Дарвина и на основе теоретического наследства Маркса, Энгельса и Ленина поднять биологию на новую высоту, соответствующую великим задачам построения социалистического общества в СССР и пролетарской революции всего мира» (там же, 1932, с. 18).

Особая роль в подготовке и проведении юбилея была отведена будущему главному идеологу лысенкоизма И.И. Презенту, который выступал с докладами об отношении дарвинизма и диалектического материализма, консультировал докладчиков и лекторов, организовывал выставки. Была издана его брошюра как тезисы к юбилейным докладам и лекциям (Презент, 1932), где им была сделана первая попытка сформулировать основные положения «советского творческого дарвинизма». Будущее дарвинизма он связывал с овладением законами наследственности и изменчивости, примером чего для него служили работы И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко по яровизации и гибридизации. Их трудам Презент отводил ведущую роль в развитии дарвинизма. Юбилей 1932 г. стал важной вехой в утверждении воззрений Т.Д. Лысенко в СССР.

Среди юбилейных публикаций особое место принадлежит статье Н.И. Бухарина (1932), в которой недавний главный партийный идеолог защищал генетику и неodarвинизм, подчеркивая, что именно генетика подвела под учение о естественном отборе надежную экспериментальную базу и позволила очистить дарвинизм от чуждого ему принципа наследования приобретенных признаков. Дарвинизм он характеризовал как «синтетическую теорию эволюции» (там же, с. 47). Тем самым за 10 лет до выхода в свет книги Дж. Хаксли «Эволюция. Современный синтез» (Huxley, 1942), с которой обычно связывают название современного дарвинизма, Бухарин использовал понятие «синтетическая теория эволюции». Ей и предстояло стать главным героем двух последующих юбилеев дарвинизма в 1959 и 1984 гг.

Триумф СТЭ и 100-летний юбилей дарвинизма

150-летний юбилей Дарвина и 100-летие его главного труда отмечали в 1959 г. К этому времени произошли коренные изменения в самой эволюционной теории и в социально-политическом контексте его развития. Крах национал-социалистической Германии, казалось, навсегда покончил и с социал-дарвинизмом, и с евгеникой. В прошлом остался и кризис дарвинизма, который занял доминирующее положение в биологии западных стран в виде синтетической теории эволюции (СТЭ), основные положения и методы которой формировались одновременно и сходным образом и при национал-социализме, и при коммунизме, и при либерализме. СТЭ — коллективный продукт творческих усилий представителей разных специальностей из разных стран. При ее формировании функционировал некий «невидимый» колледж, объединявший несколько десятков биологов разных стран, одновременно и в какой-то мере параллельно пришедших к сходным взглядам на эволюционный процесс и признавших естественный отбор главной причиной микро- и макроэволюции. Были предприняты важные меры для институционализации эволюционной биологии как специальной отрасли знания: созданы журнал «Эволюция» и Международное общество по изучению эволюции. На волне подъема СТЭ и шла подготовка очередного двойного юбилея дарвинизма, призванного продемонстрировать его триумф.

Для этой цели в 1955 г. был создан международный юбилейный комитет (куда вошли и потомки Ч. Дарвина), призванный координировать дарвиновские мероприятия во всем мире. Предполагалось показать, что современный эволюционный синтез является, прежде всего, продуктом ученых из англоязычных стран. Вскоре, однако, выяснилось, что многие страны, университеты и институты, научные общества и журналы планируют собственные мероприятия. Как и 50 лет тому назад отсчет юбилейных событий вели от совместного доклада Ч. Дарвина и А. Уоллеса в Лондонском Линнеевском обществе, а начало юбилейных торжеств было приурочено к XV Международному зоологическому конгрессу (16–23 июля 1958 г.) в Лондоне. Это обеспечило участие сторонников разных эволюционных концепций, но среди более 1700 заявленных докладов общий процент по эволюционной тематике был невелик. К сожалению, не приехал И.И. Шмальгаузен, которого тогда считали одним из лидеров в области макроэволюции. Главным же докладчиком на пленарном заседании в Альберт-холле, открытом президентом конгресса Г. де Биром, был Дж. Хаксли, рассказавший о современном состоянии дарвинизма.

Накануне открытия конгресса состоялось второе награждение медалью Дарвина-Уоллеса Лондонского Линнеевского общества. На этот раз ее обладателями стали Э. Андерсон, Е.Н. Павловский, М. Коллери, Б. Ренш, Р. Фишер, Дж.Г. Симпсон, К. Флорин, К. Скоттсберг, Р. Хейм, Г.Х. Томас, Дж.Б.С. Холдейн, Е. Стенсио, Дж. Хатчинсон, Г.В. Турессон, Дж. Хаксли, В. ван Страелен, Э. Майр, Д. Уотсон, Г.Дж. Мёллер и Дж. Уиллис (посмертно)¹⁸. В отличие от юбилея 1908 г. сам выбор лауреатов не только ретроспективно, но и в те дни порождал немало вопросов. Награды достались в основном биологам Англии и США, что должно было подчеркнуть их ведущую роль в создании современного дарвинизма. Среди награжденных отсутствовали не только многие ведущие биологи-эволюционисты США, СССР, Германии, Франции (Р. Гольдшмидт, А. Вандель, Н.В. Тимофеев-Ресовский, В.Н. Сукачев, С.С. Четвериков, И.И. Шмальгаузен, Г. Геберер, О. Шиндевольф и др.), но даже общепризнанный главный протагонист и создатель СТЭ Ф.Г. Добржанский. Награждение же Е.Н. Павловского этой медалью, кстати, единственной присужденной российским ученым за 100 лет, можно объяснить

¹⁸ http://www.linnean.org/fileadmin/images/Awards/Recipients_of_the_Darwin-Wallace_Medal

только тем, что он был официальным руководителем советской делегации на этом конгрессе. В списке награжденных явно ощущаются соображения национального престижа, а также политико-идеологических и концептуальных предпочтений.

Представительный симпозиум «Генетика и дарвинизм XX века», организованный М. Демерецем в Биологической лаборатории Колд Спринг Харбор около Нью-Йорка, чем-то напоминал конференцию «Генетика, палеонтология и эволюция», состоявшуюся в Принстоне в начале 1947 г., на которой биологи Англии и США заявили о завершении строительства СТЭ как современной версии дарвинизма. Тогда выход ее материалов совпал с 90-летним юбилеем «Происхождения видов». Как и в Принстоне, в Колд Спринг Харборе собрались генетики, экологи, антропологи и палеонтологи. Но встреча носила более узкий и целенаправленный характер. На ней доминировали Ф.Г. Добржанский и Э. Майр, давшие собственные видения истории и перспектив дарвинизма. Присутствовавший на встрече другой архитектор СТЭ С. Райт не выступал с докладом, а Дж. Стеббинс ограничился комментариями о том, что синтез популяционной генетики и теории естественного отбора усилил фундаментальные принципы и позиции дарвинизма. По иронии судьбы, уже на следующий год главный организатор симпозиума и директор Биологической лаборатории М. Демерец ушел в отставку, а сменивший его Дж. Уотсон уделял основное внимание исследованиям молекулярной генетики, где проблемы эволюции в те годы были на втором плане.

Хотя Британский юбилейный комитет, возглавляемый Дж. Хаксли, готовился традиционно играть главную роль, благодаря умелым действиям антрополога Сола Такса удалось убедить всех архитекторов СТЭ, что для проведения главного юбилейного торжества лучше всего подойдет Чикагский университет. Решающим здесь стало приглашение Хаксли визит-профессором в Чикаго и избрание его почетным президентом Международного юбилейного комитета, а также включение внука Дарвина сэра Ч. Дарвина в число главных докладчиков. Предпринимались попытки привлечь к участию в конференции Елизавету II и У. Черчилля. Чтобы не сталкивать интересы британских и североамериканских ученых, дарвиновскую конференцию в Англии, как уже говорилось, провели в 1958 г. Для успеха конференции немалое значение имели поддержка мэра Чикаго Р. Дейли, стремившегося повысить международный престиж города, а также энтузиазм сотрудников Чикагского Музея естественной истории и местного зоопарка. Личным мотивом для Такса было стремление включить антропологию в эволюционный синтез и сделать антропологов полноправными членами авторитетного Международного общества по изучению эволюции. Немаловажным было и соображение подчеркнуть ведущую роль США в создании СТЭ как современной версии дарвинизма.

В итоге Чикагская конференция, состоявшаяся 24–28 ноября, не только стала главным событием в дарвиновских юбилеях 1959 г., но и затмила все аналогичные мероприятия подобного рода в современной истории науки (Smocovitis, 1999, p. 278). В ней участвовало более 2 500 ученых со всего мира. В программу было включено около 50 докладов и дискуссий по широкому кругу вопросов от происхождения жизни до физической, психической и социокультурной эволюции. Обсуждались и вопросы об отношении эволюционизма и религии. Центральное место заняла секция по проблемам биологической эволюции. Такс собрал не только всех главных западных архитекторов СТЭ (Ф.Г. Добржанский, Э. Майр, С. Райт, Б. Ренш, Дж.Г. Симпсон, Дж.Л. Стеббинс, Дж. Хаксли), но и других известных биологов-эволюционистов (Э. Андерсон, Л. Лики, Г.Дж. Мёллер, Е. Олсон, Н. Тинберген, Л. Уайт, К. Уоддингтон и др.), представлявших разные страны и разные отрасли биологии, а также астрономов, химиков, физиков, археологов, историков и т. д. В конференции не участвовали главные советские про-

тагонисты и архитекторы СТЭ (И.И. Шмальгаузен, Н.П. Дубинин, К.М. Завадский, Е.И. Лукин, А.А. Парамонов, В.Н. Сукачев, Н.В. Тимофеев-Ресовский, А.Л. Тахтаджян). Из них только Г.Ф. Гаузе смог приехать в Чикаго и выступить с докладом «Дарвинизм, микробиология и рак». Большинство докладов носили юбилейный характер и содержали мало нового, за исключением секции о происхождении жизни, но всем был понятен спекулятивный характер прочитанных там докладов. С критикой недооценки в СТЭ проблем эмбриологии выступил только К. Уоддингтон.

На конференцию не были приглашены главные критики СТЭ из Германии, СССР и Франции. Помимо докладов была организована большая выставка эволюционно-биологической литературы. Пиком празднования было задумано мероприятие в День благодарения, призванное придать происходящему сакральный характер. После шествия к Рокфеллеровской мемориальной церкви, органной музыки и молитвы Дж. Хаксли как проповедник религиозного гуманизма прочитал лекцию «Эволюционный взгляд», в которой религию представил как приспособление человека к социальной среде. После лекции состоялось награждение Ф.Г. Добржанского, Ч. Дарвина (внук Чарльза Дарвина), А. Кробера, Г.Дж. Мёллера, С. Райта, Дж.Г. Симпсона и Дж. Хаксли.

Конференция имела огромный общественный резонанс, находилась в центре внимания средств массовой информации всего мира. Был снят документальный фильм, опубликованы три фундаментальных тома «Эволюция после Дарвина» (*Evolution after...*, 1960). Главная цель ее устроителей, как и другой крупной международной конференции в декабре 1959 г. в Мельбурне, в которой участвовали в основном ученые Австралии и Новой Зеландии, а в качестве знаменитых гостей Э. Майр и Г. де Бир (*The Evolution of Living Organism...*, 1962), состояла в том, чтобы утвердить в сознании общества идею окончательной победы теории естественного отбора в эволюционной биологии и предложить программу ее развития на ближайшее десятилетие. Для достижения этой цели много сделал Э. Майр, который опубликовал ряд статей, посвященных самому Дарвину, его предшественникам и противникам. В 1963 г. под редакцией Майра вышло факсимильное издание «Происхождения видов», давшее возможность познакомиться с первоначальной версией естественного отбора, когда Дарвин еще резко отрицательно относился к идее наследования приобретенных признаков (Mayr, 1963). Эта встреча в целом хорошо отражала состояние эволюционной биологии в середине XX века. Неслучайно в своей последней работе один из главных противников дарвинизма О. Шиндевольф (Schindewolf, 1969) отмечал, что его прежние представления о крупных мутациях как причинах ключевых признаков таксонов высокого ранга потеряли свое значение. Практически он пришел к воззрениям СТЭ.

Тем не менее об окончательном утверждении дарвинизма в мировом биологическом сообществе говорить было рано. Даже в англоязычной литературе не было полного единодушия. В 1962 г. в Глазго вышло еще одно юбилейное международное издание, среди авторов которого было только 2 американца — Ф.Г. Добржанский и палеонтолог А.С. Ромер, а Англия была представлена зоологом С. Бэрнетом, эмбриологами Г. де Биром и К. Уоддингтоном, генетиком Дж. Мэйнард-Смитом, антропологом Л. Кларком и др. (Centure..., 1958). В предисловии редактор не объяснил, почему потребовалось 4 года, чтобы книга увидела свет. Характерно, что во всей книге не только нигде не упоминали СТЭ, но и отсутствовало положение о единстве микро- и макроэволюции. Во Франции значительная часть биологов оставалась верна неоламаркизму (А. Вандель, П.П. Грассе, А. Львов, П. Тейяр де Шарден).

Немецкие биологи параллельно и независимо от США, Англии и СССР создавали «современный синтез» (*Die Entstehung...*, 1998), который наиболее полно проявился в коллективной монографии «Эволюция организмов», опубликованной под редакцией

Г. Геберера в разгар Второй мировой войны (*Die Evolution...*, 1943). Однако признание в англоязычном мире получила лишь книга старого друга Э. Майра Б. Ренша «Новые проблемы эволюционного учения. Надвидовая эволюция» (*Rensch, 1947*), которая была переведена и издана в США в год дарвиновских юбилеев.

Что же касается книги «Эволюция организмов», то переизданная в 1959 г. в существенно дополненном и переработанном виде (*Die Evolution...*, 1959), она по-прежнему не цитировалась ни в англоязычной, ни в русскоязычной литературе. Напрасно ее редактор Г. Геберер в предисловии подчеркивал, что, хотя первое издание книги и готовилось в условиях изоляции биологов Германии от ученых Англии и США, ее цели и задачи лежат в русле создаваемого в те годы синтеза дарвинизма, генетики и экспериментальной филогенетики (там же, vol. 1, S. III). Выпячивал он и коллективную сущность немецкого варианта синтеза, и его более глобальный характер. Биологи стран антигитлеровской коалиции помнили, что больше половины авторов нового издания книги (И. Вайгель, Г. Динглер, В. Гизелер, В. Гере, Х. фон Крог, К. Лоренц, В. Людвиг, К. Мэгдефрау, Л. Рюгер, Ф. Шваниц) состояли в нацистских организациях, а многие из них, включая самого Геберера, были членами СС и активно участвовали в «научном» обосновании национал-социализма (Колчинский, 2007, с. 507–511).

Практически незамеченной осталась и юбилейная публикация «Сто лет эволюционным исследованиям» (*Hundert...*, 1960), в которой также участвовали авторитетные сторонники СТЭ в немецком языковом пространстве. Помещенные в ней статьи Дж. Хаксли «Дарвин и идея эволюции» и Ф.Г. Добржанского «Причины эволюции» были взяты из вышедшего в Питтсбурге в 1958 г. сборника «Книга, которая потрясла мир», а другая статья Ф.Г. Добржанского «Эволюция и внешний мир» представляла немецкую версию его доклада в Чикаго в ноябре 1959 г. Тем не менее публикации в ФРГ двух ведущих биологов-эволюционистов из англоязычных стран были знаковыми событиями и означали, что «топор войны зарыт» и нацистское прошлое немецких биологов больше не препятствует поддержанию с ними научных связей¹⁹. После вступления ФРГ в НАТО она стала союзником Англии и США, и это не могли игнорировать главные архитекторы СТЭ.

Превращение биологии в целом и эволюционной теории в частности в главную научную основу идеологии Третьего Рейха с его лозунгом: «Национал-социализм — это биология в практике» обусловило игнорирование вклада немецких биологов-эволюционистов в СТЭ и их почти 15-летнее изолирование от международного научного сообщества. По этой же причине в ФРГ до конца 1960-х гг. сохраняли лидирующие позиции в немецких научных сообществах зоологов, ботаников и палеонтологов антидарвинисты А. Ремане, В. Тролль и О. Шиндевольф (*Reif, 2000*). Противники дарвинизма, обвиняя сторонников СТЭ в немецком языковом пространстве в пособничестве национал-социализму, пытались представить учение об естественном отборе как его главную естественнонаучную основу²⁰.

¹⁹ Редакторы юбилейного издания Г. Геберер и Фр. Шваниц включили в него статью «дедушки расовой генетики» Ф. Ленца, возглавлявшего до 1955 г. кафедру генетики человека в Гёттингском университете (*Lenz, 1960*). Благополучно пережив крах и денацификацию Третьего Рейха, он по-прежнему доказывал необходимость отбора для процветания общества.

²⁰ При этом «забывали», что в Третьем Рейхе авторы антидарвиновской концепции (Г. Беккер, Л. Плате) сами претендовали на эту роль, а палеонтолог К. Бойрлен был активным нацистским деятелем, возглавлял в Третьем Рейхе секцию наук о Земле в Имперском научно-исследовательском совете, распределял деньги на научные проекты, отстаивая принципиальные отличия еврейско-христианской и немецкой наук (Колчинский, 2007, с. 489–490).

Тем не менее немецкие биологи-эволюционисты старались максимально использовать дарвиновский юбилей для прорыва многолетней изоляции после 1945 г. Как отмечал в своих воспоминаниях Б. Ренш, впервые ему удалось в 1958 г. заполучить Ф.Г. Добржанского на дарвиновскую конференцию в Мюнстере в качестве «свадебного генерала» (Rensch, 1979, S. 183). Его примеру следовали другие биологические общества и академии ФРГ и ГДР. Немецкая Академия естествоиспытателей Леопольдина в Халле (ГДР) даже учредила бронзовую плакетку Ч. Дарвина, которую в мае 1959 г. во время ежегодного собрания Академии присудили 18 немецким и зарубежным эволюционистам и генетикам: Ф.Г. Добржанскому, Н.П. Дубинину, Р. Фишеру, О. Густафссону, Хитоши Кихару, Р. фон Кёнигсвальду, А. Кюну, А. Мюнцингу, Г.Дж. Мёллеру, О. Ренеру, Б. Реншу, Э. Шиманну, И.И. Шмальгаузену, Дж.Г. Симпсону, Г. Штуббе, Н.В. Тимофееву-Ресовскому, Э. фон Чермаку и С.С. Четверикову (Kaasch и. а., 2006). Хотя конференция шла в условиях Холодной войны, организаторы сделали все возможное для обеспечения демократической процедуры отбора претендентов и присуждения наград без учета национальных, политических и концептуальных предпочтений. Большой процент русскоязычных ученых среди награжденных нельзя объяснить месторасположением Леопольдины в ГДР, контролируемой СССР. Напротив, он скорее свидетельствует о некой конфронтационности принятого решения. Всех награжденных исконно русскоязычных авторов резко критиковали в СССР: С.С. Четвериков и Н.В. Тимофеев-Ресовский были даже репрессированы, а Ф.Г. Добржанского в течение десятков лет клеймили в официальной прессе как «невозвращенца», «мухолюба и человеконенавистника». В то же время в списке награжденных не было ни одного немецкого биолога, запятнавшего себя активным сотрудничеством с нацистами.

Большое количество награжденных зарубежных биологов по разным причинам не приехали в Халле на вручение памятных наград. На состоявшейся там же конференции по эволюционной теории было немало докладов сторонников ортогенетических концепций эволюции, не имевших никакого отношения ни к Ч. Дарвину, ни к его теории.

В октябре 1959 г. состоялось также рабочее совещание в Йене, посвященное не только дарвиновскому юбилею, но и 150-летию со дня выхода в свет книги Ж.Б. Ламарка «Философия зоологии», а также 60-летию публикации книги Э. Геккеля «Мировые загадки». В ней, наряду со сторонниками СТЭ, участвовали также лысенкоисты, а в публикацию материалов вошли статьи биологов, историков и философов биологии из ФРГ, ГДР, Польши, Венгрии, Чехословакии и СССР (Arbeitstagung..., 1960).

Далеко было до окончательного утверждения СТЭ в СССР. Хотя после смерти И.В. Сталина господство Т.Д. Лысенко в биологии было поколеблено, критика его воззрений звучала только в 1957 г., когда в СССР отмечали 75 лет со дня смерти Ч. Дарвина. Особенно резок был В.И. Полянский (1957), доказывавший в «Ботаническом журнале», главном печатном органе по борьбе с лысенкоизмом, что воззрения Т.Д. Лысенко не имеют ничего общего с дарвинизмом, так как в их основе лежит «одна из наиболее наивных форм ламаркизма». Свои оценки Полянский подкреплял ссылками на высказывания И.В. Мичурина, К.А. Тимирязева и других признанных в СССР корифеев отечественной биологии²¹.

²¹ К тем же «авторитетам» зывали в своих трудах сторонники «народного академика» (Алексеев, 1957) в журнале «Агробиология», созданном и контролируемом Т.Д. Лысенко. С позиций лысенкоизма оценивался дарвинизм на заседании Ученого совета Института генетики АН СССР, состоявшегося 19 апреля 1957 г.

Однако накануне дарвиновского юбилея Т.Д. Лысенко удалось взять реванш. На пленуме ЦК КПСС, заседавшем 15–19 декабря в Москве, он выступил с жалобой на своих зарубежных и отечественных критиков. Досталось и академику-секретарю Биологического отделения АН СССР В.А. Энгельгардту, и президенту АН СССР А.Н. Несмеянову²². Лысенко удалось заручиться поддержкой Н.С. Хрущёва и добиться осуждения редколлегии «Ботанического журнала», возглавляемой В.Н. Сукачевым и ведущей непримиримую критику лысенкоизма (Колчинский, Конашев, 2003). В соответствии с рекомендациями Хрущёва о замене членов редколлегии настоящими мичуринцами последовало решение Президиума АН СССР, согласно которому новая редколлегия «Ботанического журнала» была сформирована преимущественно из убежденных лысенковцев (А.А. Авакян, П.А. Власюк, П.А. Генкель, А.А. Шахов и др.). Вместо В.А. Энгельгардта пост академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР занял Н.М. Сисакян, верный сторонник Лысенко, а генетика Н.П. Дубинина освободили от должности директора созданного им Института цитологии и генетики СО АН СССР. Так, накануне юбилея 1959 г. для сторонников СТЭ хрущевская «оттепель» закончилась. Вошедший в раж Н.С. Хрущёв грозился разогнать к «чертовой матери» и саму Академию наук.

Т.Д. Лысенко и его подручные делали все возможное, чтобы представить свои построения как дальнейшее развитие учения Дарвина, а также связать идеи Ж.Б. Ламарка с достижениями передовой советской агробииологии²³. Учитывая, что в том же году исполнялось и 150 лет со дня публикации книги Ламарка «Философия зоологии», в юбилейных статьях и речах сторонники Лысенко одновременно чествовали и Ламарка, и Дарвина. Однако последнему доставалось от них и за «механицизм», «абсолютизацию случайности и постепенности в эволюции», «непонимание закономерного характера эволюции и принципа единства организма и среды», «непоследовательность в признании наследования приобретаемых признаков», «мальтузианские очки», «внутривидовую борьбу и конкуренцию» и другие грехи с точки зрения лысенкоистов. Обоим классикам эволюционной теории была посвящена 2-ая Всесоюзная конференция студентов-биологов (1959), на которой со вступительным словом выступил Т.Д. Лысенко, а доклады делали его сторонники Г.В. Платонов, И.И. Презент, Х.Ф. Кушнер. Юбилеям трудов Ч. Дарвина и Ж.Б. Ламарка была посвящена и Всесоюзная конференция в Доме ученых в Москве 19–21 ноября 1959 г. Там говорили о неразрывной связи между учениями Ч. Дарвина и К. Маркса (П.Н. Федосеев), о развитии советского творческого дарвинизма (Г.В. Платонов и Т.Д. Лысенко) и резко критиковали «извращения дарвинизма» западными и советскими «вейсманистами» (Н.И. Нуждин) (Дарвиновские дни в Москве, 1960, с. 110). Материалы конференции были напечатаны на следующий год под редакцией И.Е. Глущенко под характерным названием «Дарвинизм живет и развивается».

Более академический характер носило торжественное заседание 24 ноября 1959 г. в огромном Актовом зале Московского университета. Его открыл президент АН СССР А.Н. Несмеянов, который основное внимание уделил заслугам Дарвина и изучению наследственности при помощи новейших методов физики и химии, что явно шло в разрез

²² «Правда», 18 декабря 1958 г.

²³ К этому времени почти прекратили переиздавать труды Ч. Дарвина. За почти полувековой период в СССР (1940–1980-е гг.) вышло только одно издание «Происхождения видов» (1952) под редакцией и с комментариями одного из главных идеологов лысенкоизма, заведующего кафедрой дарвинизма в МГУ Ф.А. Дворянкина. В ней Дарвин был представлен как предшественник Т.Д. Лысенко. В юбилейном 1959 г. вышли 2 тома сочинений Ж.Б. Ламарка и ни одной книги Ч. Дарвина.

с лысенковскими установками. Главным докладчиком был директор Зоологического института в Ленинграде паразитолог Е.Н. Павловский, который сочувствовал и помогал противникам Лысенко, но никогда не выступал с его критикой. Здесь же, видимо, выполняя задание официальных кругов и поправляя Несмеянова, Павловский остановился на «ошибках» Дарвина, трактуемых с позиций лысенкоизма, и в качестве примера удачного соединения науки и практики назвал «работы Т.Д. Лысенко по выведению жирномолочных пород скота и по превращению яровых злаков в озимые...»²⁴. Нам неизвестно об участии зарубежных эволюционистов в юбилейных мероприятиях в СССР, хотя в МГУ выступали с приветственными словами представители Англии и Франции. В строго дарвинистском духе были выдержаны доклады на конференциях в академических учреждениях Москвы (Институт морфологии им А.Н. Северцова, 3 декабря, докладчики — Б.С. Матвеев, М.С. Гиляров, С. Н. Боголюбский) и особенно Ленинграда, где в качестве докладчиков выступали противники лысенкоизма (Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники, 27 ноября, Б.Е. Райков, И.И. Канаев; Зоологический институт и Институт цитологии, 7–8 декабря, К.А. Бродский, Ю.М. Оленов, А.С. Данилевский, В.В. Попов, А.В. Гусев, Г.Х. Шапошников, Н.Н. Воронцов; Ботанический институт, 9 декабря, П.А. Баранов, И.Т. Васильченко, Е.Г. Бобров, З.М. Эдельман; Институт эволюционной физиологии, 16 декабря, А.И. Карамян, Я.А. Винников; Институт физиологии им. И.П. Павлова, 23 декабря, М.Е. Лобашов).

Подавляющее большинство среди 70–80 так называемых юбилейных статей в различных биологических или общенаучных журналах были подготовлены сторонниками Лысенко (В.Е. Веселовым, И.Е. Глушенко, Ф.А. Дворянским, Н.И. Фейгинсоном и др.). Им же принадлежали книги о Дарвине, опубликованные в 1957–1960-х гг. Тем не менее юбилей показал, что в отличие от 1948 г., когда вместе с генетиками гонениям подверглись и лидеры дарвинизма в СССР (И.И. Шмальгаузен, Е.И. Лукин, А.А. Парамонов и др.), на этот раз «победа» Лысенко было «пирровой». Об этом свидетельствовали не только дарвиновские дни, проводимые в Ленинграде с 27 ноября по 24 декабря 1959 г., но и публикации во многих биологических журналах. Хотя после недавнего разгона редакции «Ботанического журнала» и оргвыводов по отношению к наиболее активным противникам Лысенко цензура не пропускала критических замечаний в адрес апологетов творческого дарвинизма, было ясно, что большинство биологов не приемлет его постулаты. Так, в номере «Журнала общей биологии» (1959, № 5), посвященном выходу в свет главных трудов Ламарка и Дарвина, ни в одной из статей не был упомянут ни Лысенко, ни Ламарк. Зато в числе авторов были последовательные дарвинисты М.М. Камшилов, Б.С. Матвеев и др. Особенно следует отметить дарвиновский выпуск «Бюллетеня Московского общества испытателей природы» (1959, вып. 4). Здесь были опубликованы статьи убежденных противников Лысенко В.Н. Сукачева и И.И. Шмальгаузена, возглавлявших в течение двух десятилетий борьбу против него. Без упоминаний фамилии Лысенко обошлись и авторы историко-научных работ о восприятии Ч. Дарвина в русском языковом пространстве (Л.Я. Бляхер, А.Ф. Котс, С.Л. Соболев и др.). В целом в СССР как сторонники Т.Д. Лысенко, так и его противники стремились использовать юбилей Дарвина для укрепления своих позиций.

Юбилей 1959 г. сыграл важную роль в продвижении дарвинизма на Западе. К 1960 г. преподавание основ эволюционной теории стало неотъемлемой частью обязательного образования во всех развитых странах, включая США. Казалось, что прежние противо-

²⁴ 100-летие «Происхождения видов» Ч. Дарвина и 150-летие «Философии зоологии» Ж.Б. Ламарка // Вест. АН СССР. № 1. С. 120.

речия между специалистами по микро- и макроэволюции, полевыми исследователями и экспериментаторами, верующими и атеистами ушли в прошлое. Прекратилось противостояние дарвинизма и христианства. Как показал опыт многих эволюционистов, включая протагониста и главного архитектора СТЭ Ф.Г. Добржанского, дарвинизм и вера в Христа могли уживаться в одном и том же человеке. В специальной энциклике *Humani Generis*, изданной в августе 1950 г., папа Пий XII, раскритиковав целый ряд отступлений от религиозных догм, допущенных некоторыми христианскими учеными, высказался за размышления и дискуссии по поводу эволюции. От нападок на эволюционное учение воздерживалась и православная церковь в СССР, где дарвинизм официально считался естественнонаучной основой марксизма и атеизма.

Иную позицию заняли баптисты. Уже в 1961 г. выходит книга теолога Дж. Виткомба и бывшего инженера-гидравлика Г.М. Морриса «Библейский потоп», ознаменовавшая начало «научного креационизма» (Whitcomb, Morris, 2003)²⁵. Предпринятая ими попытка доказать существование всемирного потопа как главной причины современного состава флоры и фауны была подвергнута резкой критике со стороны геологов и палеонтологов. Тем не менее в США усиливалось противодействие теории эволюции со стороны фундаменталистов (Полянский и др., 1991). В 1963 г. были созданы Общество и Институт креационных исследований в Сан-Диего (Калифорния) под руководством Морриса. Новые структуры развернули активную публикационную деятельность, выпуская ежегодно десятки брошюр и книг, красочно оформленных и продаваемых по низким ценам. В них доказывалось, что современное естествознание якобы подтвердило библейские сказания о сотворении Вселенной и человека несколько тысяч лет назад. Привлекали внимание и броские названия книг: Г. Моррис «Эволюция в сумерках» (1963), «Библейская космология и современная наука» (1970), «У Библии есть ответы» (1971), «Научный креационизм» (1974). Не менее красноречивы и обложки книг его сторонников: Г. Кларка «Ископаемые: потоп и пламя», Д. Гиша «Эволюция? Ископаемые говорят нет» и «Начало мира», Д. Девара «Трансформистская иллюзия», Д. Де Вита «Новая критика трансформистского принципа в биологии», Д. Ингланда «Христианский взгляд на проблему происхождения», Р. Рютера «Гея и Бог».

СТЭ «под обстрелом». 1984 г.

В следующем юбилейном 1984 г. все чаще встречались утверждения, что новейшие открытия в молекулярной биологии, цитологии, кариосистематике, палеонтологии не вписываются в рамки СТЭ. Особенно активными были сторонники гипотезы о ведущей роли дупликационных макромутаций в прогрессивной эволюции (Оно, 1973), концепций симбиогенеза (Маргулис, 1983), «нейтральной эволюции» (Кимура, 1985) и «прерывистого равновесия» (Gould, Eldredge, 1977). Общим тезисом многих работ по эволюционной теории стали призывы к новому синтезу (Красилов, 1986; Eldredge, 1985; Reid, 1985). Вопросы эволюции вновь вышли на страницы популярных изданий и широко обсуждались в образованных кругах.

О кризисе твердили все апологеты «научного креационизма» (Denton, 1986). К этому времени научный креационизм в США стал мощным движением, приобрел десятки миллионов сторонников в США, среди которых, однако, не было ни одного крупного

²⁵ Эта книга выдержала около 40 изданий.

биолога, и пытался, правда безуспешно, внедриться в некоторых штатах в школьные и университетские программы. Некоторую популярность он приобрел и в Западной Европе. Появились периодические издания креационистского толка: «Акты и факты», «Новости библейской науки», «Креационист», «Ежеквартальник общества креационных исследований», присуждались научные степени за сочинения по креационизму и тому подобное. Делалось все, чтобы придать креационизму статус нормальной научной концепции. Все это вызывало противодействие со стороны научного сообщества. В брошюре «Наука и креационизм: точка зрения Национальной академии наук», подготовленной в Комитете, в который входили выдающиеся ученые и юристы, попытки внедрить креационизм в школьные и университетские программы были расценены как угроза не только науке, но и обществу (Science..., 1984).

К тому времени книги сторонников «научного креационизма», в которых перепечатывали одни и те же картинки, цитаты, примеры и фразы, поднаедали публике (Numbers, 2006, p. 351–372). Ему на смену пришел более рафинированный вариант неокреационизма — концепция «разумного замысла». Ее истоком стала книга «Тайна происхождения жизни», написанная учеными-протестантами: химиком К. Тэстоном, инженером В. Брэдли и геохимиком Р. Олсеном (Thaston et all, 1984). Самое удивительное состояло в том, что автором предисловия к труду, написанному далекими от биологии людьми, был профессор биологии в университете Сан-Франциско Д. Кэньон, который заявил, что согласен с ее главным выводом о невозможности возникновения и эволюции жизни под влиянием случайных процессов.

В этих условиях создатели СТЭ в 1984 г. основное внимание уделили не столько юбилейным мероприятиям, сколько защите своего детища, доказательству его совместимости с новейшими открытиями в области молекулярной биологии, экологии, биологии развития и палеонтологии (Stebbins, Ayala, 1981; Mayr, 1982; Wright, 1982).

В СССР в те годы стали популярными номогенез и неокатастрофизм. Критика дарвинизма и возрождение недарвиновских концепций стали своеобразными формами безопасного диссидентства. В 1984 г. АН СССР и МГУ организовали большую Всесоюзную конференцию, посвященную 100-летию со дня рождения И.И. Шмальгаузена. Однако решение о подобной конференции в честь 175-летия со дня рождения Ч. Дарвина не было принято. И инициативу по проведению юбилейных конференций взяли ученые Эстонии, входившей тогда в состав СССР, и Ленинграда.

Жаркая дискуссия между сторонниками СТЭ и ее критиками, ведомыми талантливым палеоботаником С.В. Мейном, состоялась в сентябре 1984 г. на Всесоюзной конференции по методологическим проблемам эволюционной теории, организованной Институтом зоологии и ботаники Академии наук Эстонской ССР и Институтом философии АН СССР. Ее инициаторами были эстонские ученые: палеонтолог К.Л. Паавер и историк и философ науки Т.Я. Сутт. Им удалось собрать на базе Тартуского университета в Кяярику многих известных биологов-эволюционистов (И.С. Даревский, Е.И. Лукин, В.В. Мазинг, Ю.В. Мамкаев, Ю.И. Новожёнов, Ю.И. Полянский, Л.И. Хозацкий, А.В. Яблоков, А.Г. Юсуфов и др.), а также философов и историков науки, занимавшихся проблемами эволюции. Представителей старшего поколения, вынесших на своих плечах десятилетия борьбы с лысенкоизмом, особенно тревожило, что в речах некоторых молодых приверженцев номогенеза звучали те же обвинения в адрес СТЭ, которые они не раз слышали из уст Т.Д. Лысенко, И.И. Презента и их подручных в адрес учения Ч. Дарвина. Споры закончились безрезультатно, каждая сторона осталась при своем мнении, считая себя победителем. Но симпатии редакции и оргкомитета явно были на стороне приверженцев СТЭ. В предисловии к тезисам было сказано: «...история развития дарвинизма

блестяще подтвердила правильность его основных теоретических и методологических предпосылок» (Методологические проблемы..., 1984, с. 5).

К тому же выводу единодушно пришли и участники другой Всесоюзной конференции, посвященной 125-летию со дня выхода в свет «Происхождения видов». На ней был обсужден широкий круг проблем от молекулярной эволюции до эволюции биосферы. Она состоялась в декабре 1984 г. в Ленинграде по инициативе Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР, поддержанной биолого-почвенным факультетом ЛГУ и многими биологическими учреждениями АН СССР. Председателем оргкомитета был Ю.И. Полянский. В конференции участвовали многие крупные биологи-эволюционисты (М.В. Волькенштейн, Н.Н. Воронцов, Н.В. Глотов, А.В. Иванов, С.Г. Инге-Вечтомов, Е.М. Крепс, А.С. Мальчевский, Б.М. Медников, Ю.В. Наточин, В.Л. Сви́дeрский, А.М. Уголев, Л.А. Фирсов и др.), а также философы и историки науки, в большинстве своем ученики выдающегося отечественного биолога-эволюциониста К.М. Завадского. Участники конференции были единодушны в том, что теория естественного отбора, обогащенная новейшими достижениями в различных отраслях биологии, остается магистральной линией развития эволюционной теории (Дарвинизм..., 1988).

Достижения двух последних десятилетий коренным образом изменили ситуацию. В области эволюционной теории идет новый синтез, связанный прежде всего с объединением молекулярной генетики, геномики и биоинформатики, биологии развития, палеонтологии и дарвинизма²⁶. Расшифровка геномов многих видов дала возможность проверять, уточнять, а иногда и перестраивать филогенетические отношения, опираясь на различия структурных генов. Доступны стали анализу и геномы некоторых ископаемых видов, включая ближайшего родственника современного *H. sapiens* — неандертальца. Многократно возросла точность датировок ископаемых остатков и точек расхождения филогенетических линий. На базе анализа митохондриальной ДНК и ДНК Y-хромосомы достаточно точно определены время и место появления современного человека (примерно 195 тысяч лет в Западной Африке) и начало его экспансии с Ближнего Востока (примерно 70–80 тысяч лет тому назад). При этом молекулярные данные хорошо совпадают с антропологическими, как это было доказано недавней находкой вероятного общего предка шимпанзе и человека *Sahelanthropus tchadensis*, жившего примерно 6,5 миллионов лет тому назад, как и предсказывали молекулярные данные. Число ископаемых видов гоминин сегодня перевалило за 20 видов, относимых к пяти родам (Wood, 2005; Lockwood, 2008). Причем очевидно, что многие из этих видов вымерли в результате жесткой конкуренции с другими более прогрессивными формами примитивного человека.

Сравнительная геномика доказала, что все современные организмы происходят из небольшого числа анцестральных форм и даже, возможно, от одного протоорганизма. Установлено, что жизнь на Земле возникла 3,8 миллиардов лет тому назад, и более двух миллиардов лет существуют эукариоты. Новые палеонтологические находки в Китае, Пакистане и по всему миру исчисляются сотнями, заполняя с огромной скоростью пробелы в палеонтологической летописи, особенно среди основных классов, отрядов и семейств позвоночных животных. Подробно изучены пути тетраподизации, mamma-

²⁶ Сейчас невозможно назвать архитекторов грядущего синтеза, создаваемого трудами огромного невидимого колледжа ученых разных стран и разных специальностей. В характеристике современного состояния в этой области я опираюсь на первые обобщающие статьи, сводки и учебники, а также материалы некоторых симпозиумов и книг, посвященных дарвиновскому юбилею (Татаринов, 2007; Lynch, 2007; Barton et al, 2007; Coyne, 2009; Evolution, 2009; Evolution: Molecular Landscape, 2009).

лизации, орнитизации, демонстрирующие асинхронно формировавшиеся компоненты ароморфной организации, что обеспечивало временный выигрыш в борьбе близкородственных алломорфных форм. Рухнул также один из главных аргументов против теории Ч. Дарвина — якобы внезапное появление основных типов животных на границе фанерозоя и отсутствие переходных форм между ними. Открытие вендской фауны Б.С. Соколовым и тщательное изучение раннего кембрия выявили предков основных типов беспозвоночных животных.

В то же время была опровергнута идея о магистральной линии прогрессивной эволюции как следствие совершенствования адаптаций. Геномика показала, что повышение сложности и размера генома у многоклеточных эукариот не столько результат увеличения их адаптивности, сколько последствия неэффективности отбора в малочисленных популяциях. В пределах крупных групп организмов невозможно выявить тенденцию к повышению уровня организации. С точки зрения геномики и биоинформации человек не венец творения и не вершина филогенетического древа, а лишь одна из ветвей в эволюции млекопитающих²⁷. В пределах же прокариот вообще бесполезно строить филогенетические схемы, учитывая огромные отличия геномов у клонов даже одного вида, например, *Escherichia coli*. Для описания эволюции прокариот лучше подходит сеть или лес с переплетенными ветвями, а филогенетические древа следует использовать для графического изображения отдельных генов и родственных групп организмов. Тем самым, окончательно были опровергнуты ортогенетические концепции эволюции.

Систематики и экологи фиксируют формообразование и вымирание многих видов под влиянием антропогенных факторов. Многие открытия в области биохимии и молекулярной биологии и новые созданные на их базе эффективные лекарства и токсины стимулировали вспышку эволюции возбудителей инфекций и их переносчиков, а также появление ядоустойчивых форм вредителей.

Этологами были представлены доказательства того, что самые лабильные признаки организма — поведение животных, формирующиеся путем индивидуального опыта и обучения, контролируются естественным отбором. Широкое развитие получили исследования структуры инстинктов, формирования приобретенных компонентов поведения, иерархии внутривидовых отношений и т. д. Многие особенности поведения человека оказались адаптациями к социальной жизни. В этом отношении бесценный материал дали результаты десятилетнего мониторинга стай шимпанзе и горилл в природе, начатого Дж. ван Гудол и Д. Шаллер в 1960-х гг. К настоящему времени установлены многие биологические предпосылки социальности, сигнальной деятельности, сексуальности человека, их анатомические, физиологические и этологические аспекты. Особое внимание уделяется эволюции половых отношений, становлению оргазма, роли женщин в процессах естественного и полового отбора и в передаче социальной информации.

Дискуссии и исследования 1980-х гг. показали, что теория естественного отбора совместима с такими факторами видообразования, как мутации регуляторных генов, быстрые преобразования периферийных популяций, конкуренция видов. В ходе дальнейшего синтеза дарвинизма и молекулярной генетики было доказано, что материалом для эволюции могут служить и такие случайные наследственные вариации, как крупные перестройки генома, частичные или полные дубликации, потери генов, инвазии мобильных генов, горизонтальные переносы генов и геномов, ведущие к симбиогенезу. Механизмом формирования генома служит нормализующий отбор последователь-

²⁷ Наглядно это хорошо показано на схеме филогенетического древа на обложке журнала «Исследование генома» (Genome Research) за май 2009 г.

ностей полинуклеотидов, предшествующий дарвиновскому классическому отбору по фенотипу. Он отмечает вредные и сохраняет нейтральные мутации, способные стать основой формирования крупных инноваций, подобно гену FOXP2, ответственному за вербальные способности, с мутацией которого сейчас связывают становление речи, а значит и сознания у предков человека.

На основе сходного набора генов в ходе эволюции возникало удивительное разнообразие форм и функций, что подтвердило положение о решающей эволюционной роли малых мутаций в регуляторных областях генов. Модифицируя уровень транскрипции генов, время и место их включения и выключения, такие мутации, опосредованные естественным отбором, суммируются в поколениях и постепенно приводят к инновациям, лежащим в основе различий крупных таксонов. Это убедительно показали сравнительные исследования последовательностей аминокислот в белках и полинуклеотидов в генах шимпанзе и человека. Из их общих белков 80 %, по меньшей мере, отличаются хотя бы одной аминокислотой. Это означает отличия в последовательности нуклеотидов у 20 000 генов из 25 000, установленных у человека. У человека есть еще 1 400 генов, которых нет у шимпанзе. Существуют различия и по числу копий одного и того же гена, времени и месту их экспрессии в онтогенезе. В результате были установлены гены, связанные с иммунитетом, формированием гамет и нервов, чувственным восприятием, передачей информации и т. д.

Хотя механизмы эволюции, в принципе, одинаковы в разных филумах, установленные отличия в строении и эволюции геномов у прокариот и эукариот еще очевидней сделали задачу создания частных теорий эволюции, учитывающих особенности действия общих причин эволюции в отдельных крупных таксонах и экосистемах (Завадский, Колчинский, 1977).

Было признано, что эволюция молекулярных структур идет в рамках единого эволюционного процесса, протекающего одновременно на всех уровнях организации живого, от молекулярного до биосферного. Представления об эволюции как сопряженном процессе позволили более полно синтезировать данные разных наук. Селективные интерпретации стали доминировать в гипотезах об эволюции надвидовых уровней организации жизни. Предлагаются гипотезы о недарвиновских формах отбора (отбор видов, консорциев, биоценозов и т. д.). Интересные попытки с позиций теории естественного отбора связать эволюцию всех уровней организации живого, включая биосферу, были предложены еще в 1970–1990-х гг. в трудах С.С. Шварца, М.М. Камшилова и А.М. Уголева.

Все это коренным образом изменило ситуацию в биологии. Пал последний оплот неоламаркизма во Франции, ученые которой на сегодняшний день являются самыми строгими селекционистами.

Современный юбилей

К настоящему времени в биологии забыты «новейшие» недарвиновские концепции эволюции. Их авторы, став полноправными членами научного сообщества, предпочитают не вспоминать о кавалерийских атаках молодости на своих учителей. Многие из них убедились, что развязанная ими полемика и тотальная критика СТЭ скорее способствовали оживлению неокреационистских умонастроений у широкой публики и маргиналов биологического сообщества, чем прогрессу знаний в области эволюционной биологии (Gould..., 2006). Сегодня дискуссии по проблемам эволюции вновь приобрели научную респектабельность, исчезли со страниц популярных периодических изданий и ведутся

на языке, понятном и интересном лишь узкому кругу специалистов. Сторонников прежних антиселекционистских концепций практически не осталось в научных сообществах западных стран. Биологи, палеонтологи и геологи консолидировались под влиянием угрозы со стороны фундаменталистов.

Однако в современной России выходят труды «Эволюция не по Дарвину», «Ортогенез против дарвинизма», «Науки о развитии жизни» и другие, где под видом критики «устаревшего» дарвинизма, гальванизируют лысенковские представления об изначальной целесообразности живого, прямом формогенном влиянии среды, эволюции без отбора, скачкообразном появлении новых видов и т. д. В них, как отметил А.В. Куприянов, в десятый раз пережевываются мнимые проблемы вымышленного уродливого «дарвинизма» — следствие интеллектуальной изоляции и провинциализма части российских ученых, как правило, философов и историков науки (Куприянов, 2009).

На грани двух тысячелетий наблюдался взрыв публикаций как в пользу концепции творческого замысла, так и против нее. Ее сторонники, в основном математики, юристы, философы, в отличие от креационистов не отрицали саму эволюцию, но предполагали, что она не может идти без Разумного Творца (Johnson, 1997). Однако их утверждения о том, что нет данных об абиогенном возникновении жизни, о появлении новых видов и эволюционном происхождении человека, а также попытки запретить преподавание эволюционной теории в целом как недоказанной гипотезы встречали и встречают жесткое противодействие со стороны научного сообщества (Intelligent..., 2001; Shanks, 2004; Numbers, 2006).

Биологов-эволюционистов поддерживали ученые других специальностей. В 2006 г. Академии наук 67 стран, включая 27 стран Европы, подписали обращение, осуждавшее попытки навязать креационизм системе светского образования²⁸. Вскоре после этого с заявлением о неверном подходе к преподаванию теории эволюции в школах Англии, где около четверти учителей пытаются распространять идеи креационизма, выступило Лондонское королевское общество. В результате в 2007 г. Парламентская ассамблея Совета Европы приняла резолюцию «Опасность креационизма для образования». Один из пунктов резолюции гласит: «Мы являемся свидетелями распространения образа мышления, который бросает вызов надежно установленным знаниям о природе, эволюции, нашем происхождении и нашем месте во Вселенной». В мае 2009 г. к обращению 68 Академий наук присоединилась и Российская академия наук. В Европе и в США все попытки законно внедрить концепцию «разумного замысла» в школьные программы закончились ничем. Хотя в США их поддержал президент Дж. Буш, Верховный суд запретил преподавать в общественных школах любые концепции, построенные на религиозных, а не научных доктринах.

Согласно опросам общественного мнения в США позиции фундаменталистов весьма прочны, и около 60 % считают себя скорее креационистами (но категорически отвергают учение Ч. Дарвина только 30 %)²⁹. Больше противников теории эволюции только в Турции — около 90 %. В Европе и Японии около 80 % принимают концепцию эволюции. Особенно сильны позиции теории естественного отбора в Англии и Франции, где более половины населения выступают убежденными сторонниками дарвинизма и только 10 % относят себя к его твердым противникам, а 12 % склоняются к идее «разумного замысла» как варианту теологической концепции эволюции. В России сторонников Дарвина и учения о «божественном» происхождении человека поровну — по 24 %. 35 % считают, что разобраться в этом вопросе не под силу ни науке, ни религии. При этом 70 % респон-

²⁸ Поиск. 2009. 20, 27 мая.

²⁹ http://msv.newsvine.com/_news/2009/; <http://eco.rian.ru/info/20090212/161936706.html>.

дентов выступают за сохранение теории Дарвина в школьной программе³⁰. Оживление неокреационизма в США, Западной Европе и России социологические опросы объясняют резким падением уровня школьного образования во всех странах. Немалую роль в популярности книг американских протестантов-креационистов в России играет слишком настойчивая пропаганда дарвинизма в советский период как естественнонаучной основы коммунистической идеологии (Levit et al, 2007)³¹.

Под влиянием достижений в эволюционной биологии, твердой позиции мирового научного сообщества и нежелания большей части общества Европы принять креационистские доктрины как обязательный элемент школьного образования папа Иоанн-Павел II 22 октября 1996 г., выступая в Папской академии с посланием «Истина не может быть против истины», признал, что в свете новых знаний теория эволюции стала большим, чем гипотеза, и стимулировал тем самым поиск приемлемых для католической церкви интерпретаций эволюции (Калашников, 2009). В 2006 г. глава обсерватории Ватикана Дж. Коина выступил против преподавания в школах концепции «разумного замысла», и процесс адекватного восприятия католической церковью позиции населения европейских стран и особенно их научных сообществ стал необратим. 10 февраля 2009 г. официальный представитель Ватикана, глава папского совета по культуре архиепископ Жан-Франко Равази отметил, что теория эволюции не противоречит христианской вере и восходит своими корнями к учению Св. Августина и Св. Фомы Аквинского. Он пояснил: «То, что мы подразумеваем под эволюцией — это мир, созданный Богом»³². Католическая церковь признает «теистическую эволюцию», согласно которой Бог при создании и формировании человека мог использовать в своих замыслах и промыслах «естественный эволюционный процесс». Римско-католическая церковь не стала приносить Ч. Дарвину извинений за прежний «холодный прием» его идей, как это было сделано в 1992 г. в отношении Г. Галилея³³. В этом нет необходимости, пояснил Равази, так как дарвиновская теория происхождения видов всегда была «совместимой с учением Библии», и Ватикан осуждал лишь ее использование для обоснования атеизма. Столь

³⁰ В России оголтелый креационизм смыкается с ренессансом лысенкоизма, о чем свидетельствуют не только дискуссии полусумасшедших и полуграмотных участников различного рода Интернет-форумов или публикации в желтой прессе, но и статьи в когда-то вполне уважаемых средствах массовой информации типа «Литературной газеты». В ее 11 номере от 18 марта 2009 г. появилась статья доктора медицинских наук М. Анохина «Академик Лысенко и бедная овечка Долли», обеляющая Т.Д. Лысенко и допускающая клеветнические утверждения в адрес Н.И. Вавилова. О том, что это не ошибка редактора, а часть спланированной кампании, свидетельствуют и выпущенные редакцией «Самообразование» сборник статей «Трофим Денисович Лысенко — советский агроном, биолог, селекционер» (М., 2008. 189 с.) и книга доктора сельскохозяйственных наук В.И. Пыженкова «Николай Иванович Вавилов — ботаник, академик, гражданин мира» (М., 2009, 189 с.) и особенно книга некоего Ю. Мухина «Продажная девка генетики: познание мира или кормушка?» (М., 2006, 416 с.), выпущенная в издательстве Быстрова. Все эти опусы, по недоразумению снабженные подзаголовками «учебное-научное» или «научное» издание, свидетельствуют только о том, что в части общества нет элементарного представления о том, что такое наука, а в поисках некой суверенности и в разжигания патристического духа вновь готовы реанимировать самые постыдные концепции сталинского режима, ставшие позором отечественной науки.

³¹ См. перевод этой статьи в настоящем номере журнала.

³² Ватикан признал теорию Дарвина // http://www.gazeta.ru/news/social/2009/02/11/n_1329780.shtm.

³³ Ватикан признал эволюцию, но перед Дарвиным не извинится // <http://news.mail.ru/society/2028787>.

же неуместно, по их мнению, использовать креационизм в науке. Будучи лишь верой в Высший Разум, он относится к «сугубо теологической сфере».

Англиканская церковь также дистанцировалась от христианских фундаменталистов, но пошла дальше Ватикана в переоценке своих отношений с дарвинизмом. Глава ее отдела по связям с общественностью М. Браун по случаю юбилея от имени церкви принес извинения Ч. Дарвину «за непонимание и первую неверную реакцию на его теорию, вызвавшие впоследствии ее непринятие во всем религиозном мире». Теперь же он заверил верующих, что с позиций англиканской церкви «в идеях Дарвина нет ничего, что бы противоречило учениям христианской церкви» (Медведев, 2009). Это модель «хорошего научного метода. Дарвин наблюдал природу, развил теорию, чтобы объяснить то, что он видел, и начал долгий и мучительный процесс собирания доказательств. В результате наше понимание мира расширилось. Сам Иисус побуждал людей наблюдать окружающий мир и размышлять... Хорошей религии нужна хорошая наука. Появится ли новая теория эволюции и новая картина мира — покажет время». Руководство Англиканской церкви заверило, что статья Брауна отражает ее позицию. О совместимости дарвинизма с верой говорили видные православные священники и богословы — протоиерей Александр Мень, архиепископ Михаил (Мудыгин), профессор Московской духовной академии А.И. Осипов и др. Правда, соборного мнения церкви по вопросу креационизма и эволюционизма высказано не было³⁴.

200 лет со дня рождения Ч. Дарвина и 150 лет со дня выхода в свет его книги «Происхождение видов» научные сообщества разных стран единодушно отмечают как событие огромного значения для всей науки и системы образования (см. статью «Основные юбилейные мероприятия дарвиновского года» в этом номере). Впервые руководство ряда ведущих христианских конфессий официально заявило о совместимости Библии и дарвинизма. В биологии практически не осталось эволюционных концепций, реально претендующих на вытеснение дарвинизма. Почти никто не вспоминает в эти дни о 200-летнем юбилее выхода в свет «Философии зоологии» Ж.-Б. Ламарка, а ведь еще 50 лет назад этот труд многие биологи в СССР, во Франции и Германии рассматривали как равноценный дарвиновскому «Происхождению видов». Но сегодня нет и обобщающих трудов, в которых более или менее полно были бы изложены современные представления об эволюции. Во многих странах наблюдается высокая активность неокреационистов и популярность концепции «разумного замысла». Не прекращаются попытки внедрить креационизм в систему школьного образования.

Особое место в юбилейных мероприятиях занимает Англия, где юбилей Ч. Дарвина отмечают как величайший национальный праздник. В результате опроса общественного мнения англичан Дарвин включен в число пяти самых знаменитых людей Великобритании за всю ее историю. Его портрет украшает банкноту в 10 фунтов, недавно заменив на ней Ч. Диккенса. Однако в отличие от юбилеев 1909 и 1959 гг. трудно сказать, что какой-то симпозиум, фестиваль, выставка или публикация станет центральным событием и символом юбилея в 2009 г.

* * * * *

Один из историко-научных и философских бестселлеров конца XX века «Опасные идеи Дарвина. Эволюция и смысл жизни» Д. Деннета (Dennett, 1995) начинался с того, что автор всю жизнь находил удивительным, сколь велико разнообразие мыслителей,

³⁴ Купаев А. Православие и эволюция // http://www.netda.ru/belka/text_mil/evolution_r_ext.htm.

которые не могли скрыть чувство дискомфорта от дарвинизма. Дискуссии вокруг проблем эволюции связаны с тем, что дарвиновская революция все еще продолжается, вызывая сопротивление людей, не воспринимающих по разным соображениям статистически-вероятностный механизм детерминации, составляющий основу теории естественного отбора. И хотя синтез все новых тем, обобщений и фактов идет непрерывно в эволюционной биологии, но в трактовке причин и законов макроэволюции, свершившейся в далеком прошлом и недоступной экспериментальной проверке, разногласия вряд ли когда-нибудь будут полностью преодолены. Дарвин вызвал одну из важнейших интеллектуальных революций в истории человечества, хотя, конечно, наши современные представления об эволюции мало похожи на исповедуемые им взгляды. Тем не менее его теория естественного отбора остается основой современных эволюционных представлений, а границы ее применимости будут определены в ходе дальнейшего развития науки.

Литература

- Алексеев В.А.* Две исторические даты. К 250-летию со дня рождения К. Линнея и 75-летию со дня смерти Ч. Дарвина // *Агробиология*. 1957. № 2. С. 674–693.
- Бондаренко П.П. и др.* К пятидесятилетию со дня смерти Чарльза Дарвина // *За марксистско-ленинское естествознание*. 1932. № 2. С. 16–18.
- Бухарин Н.И.* Дарвинизм и марксизм // *Учение Дарвина и марксизм-ленинизм* / Под. ред. П. Валескална. М.: Партиздат, 1932. С. 34–61.
- Грекулов Е.Ф.* Православная инквизиция в России. М.: Наука, 1964. 168 с.
- Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора или сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь / Отв. ред. А.Л. Тахтаджян; изд. подготовил Я.М. Галл. СПб.: Наука, 2001. 568 с.
- Дарвинизм: история и современность* / Отв. ред. Э.И. Колчинский и Ю.И. Полянский. Л.: Наука, 1988. 230 с.
- Дарвинизм. Критическое исследование* Н.Я. Данилевского. Т. 1. Ч. 1–2. СПб.: М.Е. Комаров, 1885. X, 519 с.
- Дарвиновские дни в Москве* // *Природа*. 1960. № 1. С. 110.
- Завадский К.М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина. 1859–1920-е годы. Л.: Наука, 1973. 423 с.
- Завадский К.М., Колчинский Э.И.* Эволюция эволюции. Л.: Наука, 1977. 237 с.
- Калашников В.* Дарвин и Ватикан // *Санкт-Петербургские ведомости*. 2009. № 40. 6 марта.
- Кимура М.* Молекулярная эволюция: теория нейтральности. М.: Мир, 1985. 398 с.
- Колчинский Э.И.* Неокатастрофизм и селекционизм: вечная дилемма или возможность синтеза? СПб.: Наука, 2002. 554 с.
- Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии: репрессии и дискуссии 1920-х – начала 1930-х гг. СПб.: Дм. Буланин, 1999. 273 с.
- Колчинский Э.И.* Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века. СПб.: Нестор-история, 2007. 637 с.
- Колчинский Э.И., Конашев М.Б.* Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // *Вопросы истории естествознания и техники*, 2003. № 4. С. 49–74.
- Красилов В.А.* Нерешенные проблемы теории эволюции. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 139 с.
- Кудрявцев В.* О происхождении органических существ. Теория трансформации // *Творения святых отцов*. 1883. Кн. 2. С. 432–478.
- Куприянов А.В.* Дарвин: пора прощаться // *Полит. Ру*. 13 июня 2009 г.. <http://www.polit.ru/author/2009/02/13/darvin.html>.

Лебедев А.П. Попытка Дарвина примирить свою теорию с религиозно-нравственными чувствами христиан. М.: Унив. типография, 1878. 16 с.

Ловягин Е.И. Разбор суждений новейших естествоиспытателей о Ноевом потопе, сравнительно с учением Слова Божия об этом предмете // Христианское чтение. 1861. Ч. 2. С. 297–342.

Маргулис Л. Роль симбиоза в эволюции. М.: Мир, 1983. 361 с.

Медведев Ю. Дарвина отпустили грехи. Ватикан признал теорию эволюции // Российская газета, 2009. 11 февр. 2009.

Методологические проблемы эволюционной теории / Под. ред. К.Л. Паавера, Р.С. Карпинской, И.К. Лисеева и Т.Я. Сутте. Тарту: АН ЭССР, 1984. 196 с.

Наука, техника и общество России и Германии во время Первой Мировой войны // Отв. ред. Э.И. Колчинский и Д. Байрау. Ред.-сост. Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. 502 с.

Оно С. Генетические механизмы прогрессивной эволюции. М.: Мир, 1973. 227 с.

Памяти Дарвина. М.: Научное слово, 1910. 221 с.

Полянский В.И. К 75-летию со дня смерти Чарльза Дарвина // Бот. журн. 1957. Т. 42. С. 513–516.

Полянский Ю.И., Колчинский Э.И., Орлов С.А. Надо ли возвращаться к креационизму? // Биология в школе. 1991. № 4. С. 7–18.

Презент И.И. Теория Дарвина в свете диалектического материализма: Тезисы к пятидесятилетию со дня смерти Ч. Дарвина 19 апр. 1932 г. Л.: Ленмедиздат, 1932. 32 с.

Татаринов Л.П. Молекулярная генетика и эпигенетика в механизмах морфогенеза // Журн. общей биологии. 2007. Т. 68. № 3. С. 165–169.

Томсинский В. Была ли душа у неандертальца? // Независимая газета. 2009. 18 марта. <http://religion.ng.ru/printed/223751>.

Харахоркин Л.Р. Чарльз Дарвин и царская цензура // Тр. Института истории естествознания и техники. 1960. Т. 31. Вып. 6. С. 82–101.

Хахина Л.Н. К истории учения о симбиогенезе // Из истории биологии. Вып. 4. М.: Наука, 1973. С. 63–75.

Чайковский Ю.В. О Дарвине между строк // Вопросы истории естествознания и техники. 1983. Вып. 2. С. 108–119.

Чайковский Ю.В. Первые шаги дарвинизма в России // Историко-биологические исследования. 1989. Вып. 10. С. 121–141.

Agassiz L. Prof. L. Agassiz on the origin of species // American J. Science and Art. 1860. Vol. P. 142–154. Arbeitstagung zu Fragen der Evolution: zum Gedenken an Lamarck-Darwin-Haeckel. Jena, 20–24. 10, 1959. Jena: Gustav Fischer, 1960.

Barton N., Briggs D., Eisen J., Goldstein D., Patel N. Evolution. New York: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 2007. 833 p.

Baur E., Fischer E., Lenz F. Grundriss der menschlichen Erblichkeitslehre und Rassenhygien. München: J.F. Lehmann, 1921. Bd. 1. 305 S.; Bd. 2. S. 297.

Becker P.E. Zur Geschichte der Rassenhygiene — Wege ins Dritten Reich. Stuttgart; New York: Thieme, 1988. 403 S.

Bowler P. The Non-Darwinian Revolution. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1988, X+238 p.

Browne J. Darwin in Caricature: A Study in the Popularization and Dissemination of Evolution // Proceedings of the American Philosophical Society. 2001. № 4. P. 494–509.

Browne J. Birthday to Remember // Nature. 2008. Vol. 456. P. 324–325.

A Century of Darwin / Ed. by S.A. Barnett. London: Heinemann, 1958. XVI, 376 p.

Coyne J.A. Why Evolution is True? Oxford: Oxford Univ. Press. 2009. 309 p.

Darwin Ch.R. The Autobiography of Charles Darwin 1809–1882. With the Original Omissions Restored / Ed. by N. Barlow. London: Collins, 1958. 223 p.

Darwin and Modern Science; Essays in Commemoration of the Centenary of the Birth of Charles Darwin and of the Fiftieth Anniversary of the Publication of the Origin of Species / Ed. by A.C. Seward. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1909. 575 p.

Darwin Centenary: the Portraits, Prints and Writings of Charles Robert Darwin, Exhibited at Christ's College. Cambridge: Univ. Press, 1909. 47 p.

Dennett D. Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meanings of Life. New York: Simon&Schuster, 1995. 585 p.

Denton M. Evolution: A Theory in Crisis. New York: Adler & Adler, 1986. 368 p.

Die Entstehung der Synthetischen Theorie: Beiträge zur Geschichte der Evolutionsbiologie in Deutschland 1930–1950 / Hg. T. Junker, E.-M. Engels. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1998. 380 S.

Die Evolution der Organismen. Ergebnisse und Probleme der Abstammungslehre / Hg. H. Heberer. Jena: G. Fischer, 1943. 774 S.; 2 erweiterte Auflage. Bd. 1–2. Stuttgart: G. Fischer, 1959. 1326 S.

Die Rezeption Evolutionstheorie im 19. Jahrhundert / Hg. E.-M. Engels. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. 448 S.

Disseminating Darwinism: The Role of Place, Race, Religion, and Gender / Ed. by R. Numbers & J. Teahouse. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 312 p.

Eldredge N. Unfinished Synthesis. Biological Hierarchies and Modern Evolutionary Thought. New York: Oxford Univ. Press, 1985. VII, 237 p.

Ellegard A. Darwin and the General Reader: The Reception of Darwin's Theory of Evolution in the British Periodical Press, 1859–1872. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990. 340 p.

Evolution After Darwin / Ed. by S. Tax, Ch. Callender. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1960. Vol. 1. 629 p.; Vol. II. 473 p.; Vol. III. 310 p.

Evolution von Darwin bis heute / Hg. R. Brömer, U. Hossfeld & N. Rupke. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1999. 425 S.

Evolution. The First Four Billion Years / Ed. by M. Ruse, J. Travis. Cambridge (Mass.); London: The Belknap Press, 2009. 979 p.

Evolution: Molecular Landscape. 74th Cold Spring Harbor Symposium on Quantitative Biology. May 27 – June 1, 2009. New York: Cold Spring Harbor Laboratory Press, 2009. 264 p.

Fangerau H. Etablierung eines rassenhygienischen Standardwerkes: 1921–1941. Der Baur-Fischer-Lenz im Spiegel der zeitgenössischen Rezensionsliteratur. Frankfurt am Main; Berlin; Wien: P. Lang, 2001. 300 S.

Forman P. Weimar Culture, Causality, and Quantum Theory, 1918–1927 // Historical Studies in the Physical Sciences. 1971. Vol. 3. P. 1–115.

Gasman D. Haeckel's Monism and the Birth of Fascist Ideology. New York: P. Lang, 1998. VIII, 482 p.

Ghiselin M. The Triumph of the Darwinian Method. Berkeley: Univ. of the California Press, 1969. 379 p.

Gould S.J. The Richness of Life. The Essential Stephen Jay Gould / Ed. by P. McGarra, S. Rose. London: Vintage Books, 2006. 646 p.

Gould S.J., Eldredge N. Punctuated Equilibrium: the Tempo and Mode Evolution Reconsidered // Paleobiology. 1977. Vol. 3. №. 2. P. 115–151.

Gray A. Darwiniana / Ed. by A. Dupree. Cambridge (Mass.): The Belknap Press, 1963. 327 p.

Gregorio M. From Here to Eternity. Ernst Haeckel and Scientific Faith. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. 636 p.

Harwood J. Styles of Scientific Thought. The German Genetics Community. 1900–1933. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1993. XII, 423 p.

Harwood J. Weimar Culture and Biological Theory: A Study of Richard Woltereck (1877–1944) // History of Science. 1996. Vol. 34. P. 347–377.

Hodge Ch. What is Darwinism? New York: Scribner, Armstrong and Company, 1874. 178 p.

Hovey E.O. Darwin Memorial Celebration // Annals of the New York Academy of Sciences. 1909. Vol. 19. № 1, Part 1 (31 July). P. 1–40.

Hundert Jahre der Evolutionsforschungen / Hg. von G. Heberer u. Fr. Schwanitz. Stuttgart: G. Fischer, 1960. 458 S.

Huxley J. Evolution. The Modern Synthesis. London: Allen&Unwin, 1942. 652 p.

Intelligent Design Creationism and its Critics: Philosophical, Theological and Scientific Perspectives // Ed. by R.T. Pennock. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. 825 p.

Johnson Ph. Defeating Darwinism by Opening Minds. Downer's Grove (Illinois): Inter Varsity Press, 1997. 80 p.

Junker Th. Die Zweite Darwinsche Revolution. Geschichte des Synthetischen Darwinismus in Deutschland 1924 – bis 1950. Marburg: Basiliken-Presse, 2004. 635 S.

Kaasch M., Kaasch J., Hossfeld U. "Für besondere Verdienste um Evolutionsforschung und Genetik" Die Darwin-Plakette der Leopoldina 1959 // Acta Historica Leopoldina. 2006. Bd. 46. S. 333–427.

Kolchinsky E. Darwinism and Dialectical Materialism in Soviet Russia // The Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. 1–2 // Ed. by E.-M. Engels, T.V. Glick. New York; London: Continuum, 2009. P. 522–552.

Lenz Fr. Die soziologische Bedeutung der Selection // Hundert Jahre der Evolutionsforschungen / Hg. von G. Heberer u. Fr. Schwanitz. Stuttgart: G. Fischer, 1960. S. 368–398.

Levit I., Hossfeld U., Olson L. Creationism in the Russian Educational Landscape // Reports. 2007. Vol. 27. № 5–6. P. 13–17.

Lockwood Ch. The Human Story. Where we come from and how we evolved. London: Natural History Museum, 2008. 111 p.

Lynch M. The Origins of Genome Architecture. Sunderland (Mass.): Sinauer Associates, 2007. 494 p.

Mayr E. Introduction // On the Origin of Species by Ch. Darwin. A Facsimile the First Edition. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1963. P. VII–XXVII.

Mayr E. Speciation and macroevolution // Evolution. 1982. Vol. 36. № 6. P. 1119–1132.

Mayr E. One Long Argument. Charles Darwin and the Genesis of Modern Evolutionary Thought. London: Penguin Books, 1991. XVI, 195 p.

Osborn H.F. Address of Welcome // International Congress of Eugenics (New York, 1921). Eugenics, Genetics and the Family. Vol. 1. Baltimore: Williams & Wilkins, 1923. P. 1–4.

Numbers R.L. The Creationists. From Scientific Creationism to Intelligent Design. Cambridge (Mass.); London: Harvard Univ. Press, 2006. IX, 606 p.

Prothero D. Evolution: What the Fossils Say and Why It Matters. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 408 p.

Reid R. Evolutionary Theory: The Unfinished Synthesis. Ithaca (New York): Cornell Univ. Press, 1985. 405 p.

Reif W.-E. Deutschsprachige Evolution-Diskussion im Darwin-Jahr 1959 // Verhandlungen zur Geschichte und Theorie der Biologie. Bd. 4. Evolutionsbiologie von Darwin bis heute / Hg. R. Brömer, U. Hossfeld & N. Rupke. Berlin: Verlag für Wissenschaft und Bildung, 2000. S. 361–395.

Rensch B. Neuere Probleme der Abstammungslehre. Die transspezifische Evolution. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1947. VII, 407 S.

Rensch B. Lebensweg eines Biologen im einem der turbulenten Jahrhunderte. Stuttgart; New York: G. Fischer, 1979. 267 S.

Ringer F.K. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press. 1969. 548 p.

Richmond M. The 1909 Darwin Celebration: Reexamining Evolution in the Light of Mendel, Mutation, and Meiosis // Isis. 2006. Vol. 97. № 3. P. 427–484.

Schindewolf O.H. Über den "Typus" im morphologischen und phylogenetischen Biologie // Akad. d. Wissensch. Mathem. Naturwiss. Klasse. 1969. № 4. S. 56–131.

Science and Creationism / A View of National Academy of Science. Washington: National Academy Press, 1984 // <http://ncseweb.org/media/voices/national-academy-sciences-1984>.

Shanks S. God, the Devil, and Darwin. A Critique of the Intelligent Theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. XIII, 273 p.

Smocovitis V. The 1959 Darwin Centennial Celebration in America // Osiris. 2nd Series. Vol. 14, Commemorative Practices in Science: Historical Perspectives on the Politics of Collective Memory. 1999. P. 274–323.

Stebbins G.L., Ayala F.J. Is a new evolutionary synthesis necessary? // *Science*. 1981. Vol. 213. № 4511. P. 967–971.

Thaston Ch., Bradly W., Olsen R. The Mystery of Life's Origin. Reassessing Current Theories. New York: Philosophical Library, 1984. VII, 186 p.

The Comparative Reception of Darwinism / Ed. by T. Glick. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1988. 534 p.

The Correspondence of Charles Darwin / Ed. by Fr. Burkhardt, S. Smith et al. Vols. 1–11. 1821–1863. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983–1999.

The Darwin-Wallace Celebration Held on Thursday, 1st July, 1908 by the Linnean Society of London. London: Printed for the Linnean Society, 1908. 139 p.

The Darwinian Heritage / Ed. by D. Kohn, Princeton: Princeton Univ. Press, 1985. 1152 p.

The Evolution of Living Organisms; a Symposium to Mark the Centenary of Darwin's "Origin of Species" and of the Royal Society of Victoria, Held in Melbourne, December, 1959 / Ed. by G.F. Leeper. Melbourne: Melbourne Univ. Press, 1962. 459 p.

The Reception of Charles Darwin in Europe. Vol. 1–2 / Ed. by E.-M. Engels, T.V. Glick. New York; London: Continuum, 2009. 659 p.

Todes D. Darwin without Malthus. The: „Struggle for Existence“ and Russian Evolutionary Thought, 1819–1917. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1989. 221 p.

Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Berkeley: Univ. of California Press, 1988. 468 p.

Whitcomb J.C., Morris H. The Genesis Flood (thirty-ninth printing). Grand Rapids, Michigan: Baker Book House, 2003. 518 p.

Wood B. Human Evolution. A Very Short Introduction. New York: Oxford Univ. Press, 2005. 131 p.

Wright S. Character Change, Speciation and the Higher Taxa // *Evolution*. 1982. Vol. 36. № 3. P. 427–443.

Wyhe J. van. Darwin in Cambridge: Cambridge: Christ's college, 2009. 74 p.

Charles Darwin's Anniversaries in Socio-cultural and Cognitive Contexts

EDUARD I. KOLCHINSKY

St. Petersburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; ekolchinsky@yandex.ru

The paper analyzes socio-cultural and scientific contexts for celebrations of Charles Darwin's jubilees in 1909, 1932, 1959 and 1984. It demonstrates that Darwin's anniversaries were used for dissemination and popularization of Darwinism, as well as for advancement of various political and philosophical ideas, and shows changing attitudes towards Darwin and Darwinism exhibited by various Christian confessions. Special attention has been paid to interrelations between the evolutionary theory and creationism, and the achievements reached in the last two decades in the fields of molecular biology, paleontology, anthropology. The paper examines stances taken by Vatican, the Church of England, and a few other Christian churches on Darwin and Darwinism in 2009. It gives a brief outline of the socio-cultural and cognitive contexts in which Darwin 2009 jubilee events take place in Russia and the West.

Keywords: Charles Darwin, evolutionary concepts, science, creationism, religion, ideology, politics.